



8848

Белова Ольга  
Сборник рассказов

Ольга Белова

**8848. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

**Белова О. А.**

8848. Сборник рассказов / О. А. Белова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839540-6

Вылетевший как пробка и вновь пристроившийся на работу охранник. Девица, путающаяся в мужчинах, но не в шубках. Парочка толстосумов, мечтающих попасть на завтрак к крокодилу. Пёс, по долгу службы присматривающий за горсточкой нерадивых альпинистов. Все они герои нового сборника рассказов, юмористических и не только.

ISBN 978-5-44-839540-6

© Белова О. А.  
© Издательские решения

## Содержание

Новая жизнь	6
Гвозди. Петли. Два сверла	9
Нищие	13
Продавец с косой	16
Вендетта в современной обработке	20
Призрак замка	24
Беглец	28
Теория Геннадия Шнуркова	31
Глава первая	31
Глава вторая	35
Глава третья	37
В поисках неизвестного, или 300 лет совместной жизни	40
Закатившийся апельсин	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# 8848

## Сборник рассказов

**Ольга Александровна Белова**

*Корректор* Татьяна Хайдеровна Валавина

*Иллюстратор* Галина Сергеевна Коржавина

© Ольга Александровна Белова, 2017

© Галина Сергеевна Коржавина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9540-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Новая жизнь

Рядом с Иваном потопталась внушительных объемов Снежинка. Одна нога оторвалась от пола, повисела в воздухе и кувалдой опустилась на пол, перемахнув через горку накиданных на пол подушек. Вторая последовала по тому же маршруту. Оказавшись по другую сторону горы, Снежинка присела, привстала и, нарезая в воздухе круги необъятной юбкой, запорхала вслед за Маленькой Снежинкой, вихрем умчавшейся от неё в дальний угол вытянутого вагоном зала.

– Нет, ну ты видел?! – прошипела сидящая рядом с Иваном Виола. – Снежинкой вырядилась... Лошадь!

Мужчина, едва заметно скривившись, поддакнул жене, только что улетевшая от них Снежинка была действительно пугающих размеров. Пышная белая юбка довершала крамольное дело. «И все-таки есть вещи, которые произносить вслух не следует, пусть даже собственному мужу... Особенно когда тебя могут услышать... – Молодой человек посмотрел на жену. – Есть вещи, которые объяснить нельзя...» – На лице появилось раздражение.

Виола была, пожалуй, самой красивой женщиной в зале. Сделай выборку из большего количества женщин, жена Ивана и тут бы оказалась одной из первых. Точеная фигура (Иван только сейчас, когда начала спадать пелена, стал замечать, что туловище у жены непропорционально длинное, но высокий рост как-то скрадывает этот недостаток). Ножка, затянута в тонкий чулок. Не по погоде, но красиво. Десять-пятнадцать, ну, в крайнем случае двадцать ден, но ни в коем случае сорок! Иначе не будет шелкового эффекта! Ножка должна просвечиваться. Создаваться контур. Натуральные цвета предпочтительнее... Легкий загар, мелон, в крайнем случае мокко, капучино и бронза<sup>1</sup>, да, и лучше матовые оттенки, чем с блеском... Лицо мужчины слегка дернулось: как это он дожил до тридцати семи лет и не знал всех этих подробностей?!..

Мраморная Виола продолжала с гадливостью смотреть на Снежинку...

«И как ему раньше могло нравиться подобное имя? И ведь ни разу не возникло никаких ассоциаций... Где были глаза, уши? Как можно было так...» – Иван встал и, перелезая через подушки, вслед за Снежинкой пошел к елке. Матвей уже дотопал до дальнего угла зала и прицеливался к понравившейся игрушке. Нужно было срочно вмешаться в процесс, пока елка не свалилась и не придавила сына и оказавшегося рядом Медведя. Пока Иван пробирался через малышей, елка два раза угрожающе качнулась, мужчина ускорился, но елка дала уже слишком большой крен. Несколько метров, отделяющие его от елки, Иван буквально пролетел и все равно бы не успел, если бы за макушку не схватилась внушительная ручища Снежинки.

– Спасибо! – выдохнул мужчина, оттаскивая от елки не пострадавшего, но уже готовившегося реветь Матвея.

Мальчик был наряжен во фрак, штанишки, бабочку, все было узким, тесным, неудобным. Виола постаралась. По её задумке, Матвейка должен был предстать на празднике в образе джентльмена. Вокруг беззаботно прыгали Зайцы, Гномы и Медведи, пока джентльмен пыхтел, стараясь избавиться от душившей его бабочки. Половинку усика Матвейка уже отодрал, тросточку выкинул. Но Виола не унималась, каждый раз настойчиво засовывая палку в руки сына.

Пока Иван пытался занять Матвея, Снежинка установила на место елку и, подхватив на руки Маленькую Снежинку, начала кружить вокруг елки. Скрипка запиликала Чайковского. Иван в недоумении посмотрел на женщину и вдруг почувствовал уважение к этой гро-

<sup>1</sup> Мелон, мокко, капучино, бронза и бордо – цвета женских чулок.

мадине, вырядившейся в карнавальный костюм только ради того, чтобы и ее девочке было весело и не страшно среди незнакомых людей. Мужчина бросил беглый взгляд на сидящую в противоположном углу Снежную Королеву, всем своим видом излучающую уверенность в своей красоте и в том, что все в этом зале собрались с единственной целью – полюбоваться её величеством.

Виола обвела всех обмораживающим взглядом.

Только Иван собрался тащить джентльмена обратно к королеве-матери, в дверь вошел Дед Мороз. Мужчина уселся на первую попавшуюся подушку, усадил рядом притихшего Матвея. Действие происходило в центре зала, зайцы с родителями сидели прямо на полу вдоль стен. Виола развернула свой сырный нос в сторону Деда Мороза. Мысль о сырном носе пришла Ивану в голову только сейчас. На носу жены еще с детства осталась еле заметная впадинка от ветрянки, единственный изъян в образе Виолы Прекрасной.

Иван не стал подавлять зарождающийся смешок. Виола тут же ухватила за эту гримасу-улыбку, присвоила её себе, придав ей совершенно противоположное значение, и отправила в ответ мужу одну из своих обворожительных улыбок. Раньше Иван-дурак думал, что эта улыбка принадлежит только ему... Но потом понял, что это просто штамп, причем штамп для всех. И действительно, задержавшись на нём мгновение, улыбка поползла дальше по залу, остановилась на Дед Морозе, ведь под костюмом Деда тоже скрывался мужчина, следующим был папа Гнома...

Иван раздраженно отвел глаза от жены. Матвей расхныкался, требовал внимания. Иван одернул сына, Матвейка затаил обиду, но затих – и на том спасибо.

Представление продолжалось. Дед Мороз вытащил откуда-то мешок. Скрипка и синтезатор сбавали нечто торжественное. Свет, как полоумный, мигал. Снегурка бегала по залу, закидывая всех мелко нарезанной бумагой, агитировала всех спеть. Кто-то наконец сообразил, что от них требуется, грянула «В лесу родилась елочка». Потом по центру зала пробежала девушка, протаскивая за собой нечто длинное, голубое, изображающее резвящийся Ручеек. Для Ивана осталось загадкой, почему ручеек зимой не замерз, бегая за сыном, мужчина упустил общий смысл сказки. Была какая-то кукла с очень большим ртом. Её будили Медведь, потом Ручеек. Были еще какие-то лесные товарищи. Все перемешалось. Ивану показалось, что смысла вовсе и нет, а может, для трехлеток он и не нужен? Матвейка притих и сидел, как завороченный. Дед Мороз выпал из поля его зрения – мальчик с интересом рассматривал приземлившуюся на штанину снежинку. Зал погрузился в какую-то дрему. Дед расхаживал перед публикой, постукивая по полу посохом и, похоже, всех заморозил. По стенам медленно ползли блики. Снегурочка ходила за Дедом и глядела в оба, чтобы никто не шелохнулся...

На фоне всеобщего оцепенения мужчина увидел краем глаза жену. Виола, как полоумная, махала руками и уже несколько раз успела прошептать на весь зал:

– И-и-иван... И-и-иван...

Иван с недоумением посмотрел на жену. Виола раскачивалась и все сильнее шипела, нарушая атмосферу мороза и спокойствия и привлекая к себе все больше внимания.

Быстрыми шажками к ней направилась встревоженная Снегурка. Дед продолжал нарезать по залу круги, пытаясь обратно всех заморозить.

Иван застыл, совершенно не понимая, зачем он мог понадобиться жене сейчас, в самый разгар представления, когда он подойти к ней не может! Не идти же ему через весь зал, мешая Деду и зрителям?!

На девушку стали обращать внимание, но она продолжала шипеть, вдобавок ко всему вытаращила глаза и, растопыривая и собирая в кучу пальцы, пыталась что-то изобразить... по-видимому, блымающий объектив фотоаппарата. Иван наконец догадался, что она от него

хочет. Когда он пошел за сыном, он случайно утащил с собой оба телефона, и теперь в кульминационные моменты Виола не могла сфотографировать Матвейку в разных ракурсах.

Ивану опять стало смешно. «Курица, – подумал мужчина, но тут же отобрал у жены этот титул. – Курица – наседка! Её хотя бы за это уважать можно. И детей у нее не один, а целый выводок. И обходится она как-то без нянь! Мы же и с няней еле за всем поспеваем. Бедные, и как же нам тяжело приходится! Надо ведь и про себя любимую не забыть! И главное, надо вовремя выложить на страничку очередную порцию фотографий чада... Иначе о чем разговаривать с такими же чокнутыми мамашами?..»

Молодой человек зло посмотрел на жену. Случись подобный выпад со стороны Виолы еще вчера, он бы хотя и скрипя зубами, но выполнил её требование.

«Но сегодня... сегодня... пусть она хоть расплавится...» – Иван отвел как будто непонимающий взгляд от сырной Виолы и продолжил смотреть представление.

Музыка застыла, все били ладошками по полу, Иван с Матвейкой тоже приняли участие в общем барабанном бое. Краем глаза мужчина, однако, продолжал наблюдать за женой. Виола и правда стала то ли таять, то ли плавиться. Лицо её больше не излучало ничем не потревоженного спокойствия и стало дергаться. Щеки вспыхнули и по палитре колгот попали бы, наверно, в тон бордо. Девушка встала и, несмотря на то, что представление продолжалось и по крайней мере три десятка глаз наблюдали за Дедом и скачущими вокруг него Зайцами, пошла через весь зал к мужу.

Иван застыл. Заходили желваки. Зал вдруг взорвался! Матвейка вырвался из его рук, рванул в сторону Деда. Остальные, врезаясь в Виолу, побежали в том же направлении. Виола, не ожидавшая встретить на своем пути преград, с недоумением наблюдала обтекающий её с двух сторон поток гномов и снежинок. Пролетающий мимо Медведь нечаянно свалился ей на туфли. Иван с ненавистью посмотрел на шпильку, которая была так неуместна на детском празднике. «Ну почему нельзя было снять обувь, как это сделали все остальные? Ведь можно же нечаянно наступить на лапу Зайцу или Волку! Все остальные ведь как-то до этого додумались!!!»

Виола стряхнула Медведя с туфель и стала дальше пробираться к мужу. Глаза девушки сверкали, разбрасывая вокруг себя ядовитые искры. Но Ивану было этого мало. Ему хотелось, чтобы вся накопившаяся за время спектакля злость выстрелила из нее серпантинном. Опередив жену, он сунул ей прискакавшего с подарком Матвея, который тут же повис на матери, перешагнув через подушки и пошел на другую сторону зала, откуда было удобнее фотографировать жену и сына.

В зале опять стало все затихать. Дед Мороз приглашал всех спеть прощальную песенку. Иван посмотрел на экран телефона. Виола уже сидела на стуле, одна нога была закинута на другую. Матвейка, скусившись, стоял у ноги. Иван навел объектив на лицо и сырный нос. В квадрате замерло непринужденно-обворожительное выражение. Проходящая рядом мамаша, протаскивая за собой Медведя, нечаянно толкнула его под руку – обворожительная улыбка уехала, в экран еле влезла Снежинка...

Большая Снежинка поправляла юбку Маленькой Снежинке. Иван, как замороженный, стал наблюдать за действиями женщины. Она убрала кудряшку с влажного лба девочки, одернула маленькую юбочку, тихонечко подтолкнула Снежинку в круг, и они вместе с Зайцами закружились в снежном хороводе. Иван жал и жал на экран. Фотографии Снежинки одна за другой сваливались в память телефона.

Передел дух мужчина, только когда сделал фотографий двести. Провалившись в невероятное спокойствие, Иван вернулся к жене и сыну. Сейчас он стащит с Матвейки дурацкий костюм, дав сыну наконец нормально дышать, потом они вернутся домой, и дома его будет ждать грандиозный скандал... а после... после... у него будет новая жизнь...

## Гвозди. Петли. Два сверла

Дмитрий Витальевич прошмыгнул к себе в кабинет, что само по себе являлось странным. Возле дверного косяка висела табличка с его именем, он был как-никак здесь за главного, это подтверждали и уставные документы, и штатное расписание, компания была его собственная, ООО «Гвозди. Петли. Два сверла». Елизавета Марковна, восседающая почти на самом проходе и по роду службы обязанная стеречь вход, проводила его недоумевающим взглядом – следовало бросить на нее хотя бы беглый, мимоличный взгляд, она ведь здесь не просто так сидит, охраняет.

В других фирмах секретарша, может, и стала давно обыденностью, но для фирмы Дмитрия Витальевича Елизавета Марковна была лишь недавним приобретением. В свое время директору пришлось порядком помотаться по многочисленным объектам и стройкам, полагаться с прорабами, прежде чем фирма наконец вышла на тот уровень, когда можно было позволить себе офис на несколько кабинетиков и персональную Елизавету Марковну. «Гвозди», как сокращенно называли сотрудники детище Дмитрия Витальевича, представляли собой маленькую строительную фирмочку, промышленяющую разнообразными видами ремонтных работ, а в последнее время, за неимением крупных заказов, не гнушающуюся и ремонтом квартир.

Времена, когда у секретарш всё должно было расти от ушей, прошли (по крайней мере, в солидных компаниях, а «Гвозди» позиционировали себя именно так). Директор на всякий случай взял в помощницы женщину зрелую, в годах, чтобы без глупостей, на работе надо работу работать, а не шурымурничать. Наличие секретарши, помимо всего прочего, еще и вопрос престижа, приятно, когда тебя по двадцать пять раз на дню преданно встречают и провожают, ждут, как манны небесной, твоего благосклонного кивка... Но сейчас директору было не до того – время горячее, подходили к сдаче сразу три объекта, и Дмитрий Витальевич едва успевал отбрыкиваться от разгневанных заказчиков.

Изрядно подрумяненное лицо Елизаветы Марковны вытянулось, работавшая одно время в весьма солидных (не в обиду «Гвоздям») организациях, секретарша не переставала удивляться. Помимо того что шеф прошмыгнул к себе как ошпаренный щенок, не обратив внимания на неё саму, не заметил он и ожидающуюся в приемной посетительницу, некую Дрожкину Елену Сергеевну. Женщина сидела уже битый час в приемной, и в продолжение всего этого часа Елизавета Марковна метала в нее громы и молнии и еле сдерживалась, чтобы не запульнуть еще и дырокол. Вопреки всем инструкциям, посетительница вперлась в приёмную и сидела там, где сидеть было не положено, не поддавалась ни на какие увещевания, уперлась, как баран, и с места её было не сдвинуть. Елизавета Марковна предприняла несколько настоятельных попыток выдворить посетительницу, но ту будто на цемент посадили и никакая сила не могла отодрать ее от стула.

Злопыхающая секретарша даже не пыталась скрыть своих чувств, в то время как скромно сидящая на стульчике Елена Сергеевна и представить себе не могла, причиной каких эмоций она является, уж слишком много всего на нее саму навалилось. Самозванка, как ни странно, первая рада была бы бежать, но причины, приведшие ее сюда, были серьезные, финансовые, и она действительно будто гвоздями приколотила себя к стулу и не давала себе смалодушничать. Эта смелость, или, как её трактовала Елизавета Марковна, наглость, давалась Елене Сергеевне с большим трудом.

Не успела дверь за шефом захлопнуться, обдав женщин прохладным ветерком, посетительница вскочила и бросилась за ним. Не ожидавшая очередной подлянки секретарша ринулась, чтобы пресечь беспредел, но, пока она оббегала длинный письменный стол, дверь в кабинет директора успела захлопнуться. Можно было бы ворваться в кабинет, однако Ели-

завета Марковна не стала этого делать, сдула со лба прядь и, загоняя в пол каблук, возвратилась на рабочее место. Оставалось ждать... и изнывать от любопытства.

В это время за дверью происходило что-то совершенно не деловое. Вбежавшая в кабинет Елена Сергеевна выхватила из сумки пачку чего-то и метнула её перед директором. На стол веером легли фотографии. Дмитрий Витальевич, не ожидающий за собой погони и, видимо, застигнутый врасплох, инстинктивно шарахнулся от стола. Глянув на распахнутый веер, даже не разглядев, что именно было на фото, Дмитрий Витальевич испугался.

Было от чего. Врывается какая-то сумасшедшая, швыряется photographиями. С современными приспособлениями каких только фотографий не наклепают, любого порядочного человека опорочат. В подобной ситуации испугается даже тот, за кем вообще ничего не числится, у большинства же рыльце в пушку. Были свои секретники и у Дмитрия Витальевича. Справедливости ради надо сказать – ничего криминального: директорские увлечения не выходили за рамки общественного порядка, не подрывали мораль, не противоречили букве закона, взглядов директор придерживался традиционных, скорее даже консервативных, мужчинами не увлекался, по разного рода сомнительным заведениям не шлялся, ни одна Красная Шапочка, на ходу теряя пирожки, от него не улепетывала – в связях с несовершеннолетними уличен не был (и первый бы это осудил). Что же касается того, что иногда мужчина был не прочь задать даме сердца жаркую порку или применить что-нибудь из штучек, которые абсолютно легально продаются в любом секс-шопе, так, простите, с кем не бывает?

Тем не менее Дмитрий Витальевич холодеющими пальцами взял одну из фотографий.

По гляncy, переваливаясь с бугра на бугор, неспешно полз затейливый орнамент, пол пузырился, в некоторых местах вспучивался.

Дмитрий Витальевич приготовился к чему угодно, только не увидеть ламинированное покрытие ASS 5 (класс 35), судя по всему, вздыбившееся вследствие несоблюдения правил укладки.

«Не оставили достаточный зазор от стены, – промелькнуло в голове директора. – Руки бы поотшибать таким мастерам...»

– А вот это... – Ровненькие маникюренные пальчики сунули под нос директора следующую фотографию. Елена Сергеевна вместе с ним опустила глазки на фото.

В фокусе был угол, скорее всего кухни или ванны, очередной чудный мастер – чтоб ему самому дома кто-нибудь так же ремонт сделал – на самом видном месте пустил плитку в обрез.

На следующей фотографии вдоль полос виниловых обоев клубились золотистые кренделя рисунка – Дмитрий Витальевич угадал, в чем состояла суть претензии, хотя на фотографии этого и не было видно. Обои клеились не от окна, падающий свет обнажал стыки, края, судя по всему, не были вплотную подогнаны друг к другу. «Это ж какими надо быть криворукими...»

Удивительны было два момента. Первое – то, что стоящая перед ним мадамка (Дмитрий Витальевич уже успел рассмотреть находящуюся рядом женщину) разбиралась в тонкостях ремонта. И второе – если она такая умная, где была раньше, когда его акробаты производили все эти работы?! Есть же прописные истины! Если не хочешь хлебать корвалол, стоять нужно рядом, даже отворачиваться нельзя! Контингент в бригадах ясное дело какой, сплошные славяне... Да предоставь она свои замечания сразу же, пока еще плитка не схватилась, да разве б его архаровцы не пошли навстречу? Тут же бы всё отодрали и приспособили по-новому...

Дмитрий Витальевич, разумеется, уже догадался, в силу каких таких причин был удостоен чести посещения своей скромной обители такой красивой тетенькой.

– С кем, собственно... – проговорил мужчина, присаживаясь в кресло и указывая на стул женщине.

– Дрожкина... Елена Сергеевна, – представилась посетительница.

Фамилия Дмитрию Витальевичу ничего не говорила, Елена Сергеевна уловила непонимание во взгляде и назвала свой адрес.

Услышав улицу Белогорскую, Дмитрий Витальевич приветливо закивал. Елена Сергеевна поняла, что ее соотнесли с неким объектом, а именно с её двухкомнатной квартирой, ремонт которой производился компанией «Гвозди. Петли. Два сверла» с мая этого года.

Женщина присела и поставила на него крупные, несколько на выкате глаза. Глянув в этот омут, Дмитрий Витальевич даже перехотел крокодильничать. Конечно, он знал, какие у него мастера, но нормальных-то где взять?! Недавно набрал молдаван, думал, хоть эти работать умеют, но и они такого наколбасили...

Продолжая барахтаться в бездонном котловане, Дмитрий Олегович уже почти приготовился ликвидировать все недостатки. Елена Сергеевна и представить себе не могла, насколько близка она была к цели, оставалось только мягко, мягонько попросить о помощи – и Дмитрий Витальевич прислал бы к ней свою лучшую бригаду... и приехал бы сам...

Но... и на старуху бывает проруха. Кто из нас не делает досадные промахи? Вместо того чтобы повести себя как женщина, нежная, слабая, беззащитная, Елена Сергеевна опять обратилась к фотографиям и, как старая динамо-машина, стала трещать о том, что было на каждой из них, будто бы и без ее пояснений этого было не видно. Не поленилась она вклинить в рассказ и стоимость испорченных материалов.

Добрые побуждения Дмитрия Витальевич моментально скукожились. Всё было подрублено на корню... О том, чтобы помочь и тем более компенсировать затраты, теперь не могло быть и речи. Сделать это из лучших побуждений, по собственной воле – еще куда ни шло, но когда с тебя требуют, хуже того, выбивают деньги... Тут уж дудки! Держите карман шире!

Закончив описание, Елена Сергеевна осеклась и почему-то покраснела. Обидевшийся Дмитрий Витальевич, конечно, не догадывался о том, что женщине нечасто приходилось попадать в подобные обстоятельства, просить кого-либо, обивать пороги, а тем более требовать она не привыкла и вся эта ситуация ей самой крайне неприятна.

Будто бы почувствовав, что оступилась, Елена Сергеевна деликатно пыталась отойти от щекотливого финансового вопроса, но тут её будто черт дернул – и с языка слетели роковые двести пятьдесят тысяч (по самым скромным подсчетам – общая стоимость испорченного).

Когда она оторвалась от фотографий и вновь посмотрела на директора, догорал последний мост.

Дмитрий Витальевич, может быть, и хотел сдержаться, но его понесло... Он нажал на кнопку, измучившаяся в ожидании Елизавета Марковна влетела в кабинет, через три минуты в кабинете сидел Бубенцов, новый юрисконсульт компании. Судя по двум уже выигранным делам, специалист зубастый, к тому же на испытательном сроке, на котором, так уж сложилось, принято себя показывать. Зарплата у юрисконсульта была приличная, офис располагался недалеко от дома, и самое главное, у него наконец был свободный график – попотеть было за что.

Бубенцов не без профессионального удовольствия, показательно, под орех разделал Елену Сергеевну! Сделал он это так виртуозно, что женщина не успела и опомниться. Возможно, Елена Сергеевна и разбиралась в том, с какой стороны нужно клеить обои, но вот договор она читала невнимательно. Пункт 12.3 не оставил ей ни единого шанса.

Пока Бубенцов делал то, за что ему платят, Дмитрий Витальевич глянул на обтянутое бедро, юбка плотно облегла округлости. Взгляд пополз вверх. Воротник красиво открывал

длинную шею. Капля на подвеске спускалась из покрытой невесомым пушком мочки уха. Ему вдруг захотелось вступить, защитить, вид у женщины был неожиданно жалкий, даже несчастный, но... Бубенцов уже почуял запах крови, юриста было не остановить...

Елена Сергеевна и не думала защищаться и тем более противостоять, слушала всё вполуха, в определенный момент поняла, что, если прямо сейчас не уберется восвояси, дело может обернуться еще более плачевно, ей самой придется приплачивать компании. Не сводя глаз с разгоряченного юриста, женщина поняла, что в фильмах не врут, когда показывают, как какого-то заливают в фундамент...

Женщина тихонечко встала, попятилась. Директор пару раз нервно прикусил губу.

Елена Сергеевна еще долго блуждала по коридорам – здание оказалось очень заковыристое, – прежде чем вышла на пяточок, на котором оставила машину.

Оставшись тет-а-тет с начальством, все еще не уgomонившийся юрист продолжал метать перед директором юридические термины, рассказывая о том, что в договоре для заказчика все-таки есть одна лазеечка, а именно пункт 15.4! И будь Елена Сергеевна хоть чуточку юридически грамотной, она бы не преминула воспользоваться этой зацепкой. Юрист, конечно, эту зацепочку заметит, но в том-то и фокус, что к юристу она не пойдет. Откуда уж у Бубенчикова после десятиминутной беседы с Еленой Сергеевной появилась такая уверенность, остается загадкой. В каждой профессии – свои тайны.

Дмитрий Витальевич насилу отделался от нового сотрудника, нужно было ехать на объект. Хлопнув дверью и опять оставив в недоумении Елизавету Марковну, спустился на стоянку. Не успел дойти до своей машины, как наткнулся на блуждающую между рядами Елену Сергеевну. Женщина успела несколько развеяться и прийти в себя.

Директор остановился, хотелось как-то возобновить разговор.

– Так вы, значит, на Белогорской... обосновались?

Елена Сергеевна в несколько новом свете глянула на директора.

Дмитрий Витальевич был не красавец, в своем кабинетике, в окружении подчинённых, со всем этим директорским антуражем, еще так-сяк, но без этой поддержки, на голой автомобильной площадке, к тому же вдали от собственного авто, которое еще хоть как-то могло приподнять статус, Дмитрий Витальевич был, прямо скажем, не сокол.

Женщина едва заметно вздохнула, как когда-то говорила ее бабушка, с таким бы она не то что шашни крутить, на поляне бы одной не села... Бабушка часто оказывалась права, но она, видно, никогда не занималась ремонтом, а вот внучке пришлось.

Елена Сергеевна вспомнила о недоделках... Лампочки в прихожей так и висят на соплях, провода оголены,ходишь в квартиру и не знаешь, пришибет тебя или нет...

– На Белогорской... – Женщина приветливо кивнула и поправила прядь, обнажив покрытое мягким пушком ушко.

Бабушка, может быть, ее бы и не одобрила, но ремонт-то доделывать как-то надо...

## Нищие

Выпустив изо рта кольцо дыма, Ник со скучающим видом проводил удаляющуюся от него вереницу. Публика, судя по всему, спешила на собрание, товарищи по-дружески подталкивали друг друга, не стесняясь в выражениях, бросали на лету хлесткие словечки, среди удаляющихся было несколько дам, затянутых в одинаковые узкие платья. Внешнее сходство платьев могло сбить с толку разве что новичка: дамы были совершенно не похожи друг на друга. Нику приглянулась та, которая замыкала вереницу – резкая, нахальная, крикливая, точь-в-точь как его Ирка. Молодой человек прислушался, удаляющиеся по-прежнему довольно бесцеремонно прикрикивали друг на друга, потом перешли на откровенную брань, только двое, отделившись от толпы, судя по всему, пытались направить разговор в конструктивное русло. В чем, собственно, сыр-бор, Нику разобрать толком не удалось, однако, кое-как слепив обрывки долетающих до него фраз, молодой человек с грехом пополам сообразил, что причиной раздора стала крышка от банки, в которой когда-то был вишневый компот. В воздухе растаяло еще одно кольцо дыма, прежде чем последняя ворона исчезла из вида. Ник придушил бычок, не без сожаления плюнул под ноги и поплелся в офис, сделав очередной неутешительный вывод: день ото дня количество доступного его пониманию стремительно неслось к нулю.

За рабочим столом Ник так и не смог окончательно избавиться от раздражения. Приземлившись в кресло-вертушку, он отодвинул кипу бумаг и нырнул в интернет, набив привычные шесть букв – «в-о-р-о-н-а». В строке поисковика только за последний месяц это слово выскакивало раз сто, но ему было глубоко наплевать, что кто-то это отследит и заметит в его лазании некую зацикленность, – мало ли кого на чем клинит. Сидящий рядом с ним Сиропов, к примеру, уже не раз попадался на просмотре за рабочим столом разного рода пикантностей – такой вот подпольный кролик с вострокрылой бабочкой. (Предпочтения и наклонности Сиропова остались бы его личным делом, если бы его монитор не был развернут к оконному стеклу. Темпераментный Сиропов не раз менял ракурс своего рабочего места, но передвинутый с вечера стол с утра принимал исходное положение: коллеги хохмили.)

Жизнь в пределах 200 кв. м офисного пространства шла по накатанной. Коллектив, в котором трудился Ник, был энергичным, продвинутым, единственным стариком считался начальник Борис Иванович, молодящийся, цветущий мужчина лет пятидесяти. Статус Бориса Ивановича был, несомненно, выше статуса любого из его окружения, однако в последнее время начальник, явно обеспокоенный естественным процессом окисления своего организма (а может, в силу каких других прибабасов), был самым беспокойным, самым трепыхающимся, неугомным и остро реагирующим сотрудником фирмы. (В жизни каждого человека наступает период, когда, как бы ни мохнатилась на затылке луна и ни поскрипывали коленки, он ощущает себя все таким же дерзким и резким.) Бодрящийся Борис Иванович спуску себе не давал, рвал где ни попадя пупок, пытался угнаться за подчиненными в плане освоения современных технологий, последним новшеством, с которым бодался начальник, была удаленная работа. Технологии не давались, но и Бориса Ивановича было голыми руками за жабры не взять. Смекнув, что с наскоку эту самую удаленку ему не осилить, Борис Иванович забаррикадировался дома, на первых порах выписал себе из офиса Никиту Комарова, офисного айтишника, и на короткий период превратился в самого въедливого и дотошного студента, которого только можно себе представить. Никитке, прямо скажем, поначалу пришлось несладко: шеф не всё хватал на лету. Однако и медведи ездят на велосипедах – постепенно птенец оперился, проглотил все тщательно пережеванные Никиткой знания и пустился во все тяжкие. После недели электрон-

ного молчания на офис обрушился шквал! Вооружившись новыми знаниями, начальник жал на все педали: устраивал видеоконференции, забрасывал подчиненных письмами с разных устройств, отслеживал статус сотрудников и даже пару раз влез в чат... Вместе с тем опыта пока не хватало, это чувствовалось – Борис Иванович как будто боялся во всех этих возможностях и интерфейсах что-нибудь потерять: телефонные конференции дублировались письмами, что-то тезисно заносилось в ежедневник, самое важное выписывалось на бумажечку и лепилось на край монитора. Не получив вовремя ответа на свои послания, Борис Иванович не стеснялся напоминать о себе повторными письмами. Обильный, нескончаемо идущий от шефа поток не оскудевал, отчего в офисе его вскоре так и прозвали – Спам. Прозвище прижилось, к потоку, исходящему от Бориса Ивановича, отношение было соответствующее.

Ник со скучающим видом свернул сто пятьдесят пятое за день послание (если бы один только шеф обнаруживал признаки нездоровой активности) и принялся просматривать ссылки. Знания, приобретенные человечеством о семействе врановых, были до крайности скудны, кое-что можно было откопать о гнездовании, территориальном расселении, особенностях поведения, но дальше этого представление человека о сообществах, живущих с ним рядом тысячи лет, не продвинулось. Ник застрял на страничке с описанием брачных ритуалов. Союзы образовывались единожды и на всю жизнь, одно это внушало уважение. Недавно его коллега Тютин, эксцентричная дамочка лет тридцати, завела разговор о том, что настоящие самцы давно перевелись. Тютин имела в виду, конечно, самцов homo и, наверное, отчасти была права, на это можно только развести руками: действительно, вокруг одни Сироповы... Ник мельком глянул на сидящего сбоку коллегу. Сиропов сидел в яркой, канареечного цвета рубашке, в узких, с заниженной талией брюках. Посадка каждый раз давалась коллеге с трудом, мужчина честно тянул штаны к ушам, но все его старания были тщетны: как бы он ни усаживался, выходило всегда так, что находящиеся сзади лицезрели его расколовшийся надвое орех и убегающую за ремень брюк впадину...

Ник вернулся к воронам. Столько всего написано – и всё мимо, сводилось всё к какому-то примитиву – подпрыгиваниям, подергиваниям, почесываниям, почти ни слова о языке ворон, о том, как трактовать тираду, состоящую из трех звонких одинаковых «кар», о том, что значит горловое «к-к-кар» и чем отличается долгое «ка-а-ар» от короткого «кар», а ведь есть даже рычащее «кар-р-р», не говоря уже об особенностях наречий, присущих представителям разных территорий. Может быть, для того, чтобы получить более обширные сведения, нужно обратиться к более уважаемым источникам, а не рыскать в такой помойке, как интернет? Так ведь он уже обращался...

Захлопнув все вкладки, молодой человек придвинул к себе кипу бумаг. Башенка появлялась на его столе каждое утро, к вечеру в идеале она должна рассосаться и появиться на столе через стенку в соседнем отделе. В течение рабочего дня Ник брал из кипы одну за одной папочки, раскрывал их, проводил пальчиком по пункту 1, запоминал три слова, состоящих не из слишком большого количества символов, а потом десятью пальчиками набивал ту же самую композицию в электронном документе – и так далее. Пунктиков на каждом листочке было аж двадцать пять, вместе с подпунктиками – тридцать пять, переносить информацию нужно было крайне аккуратно и, самое главное, в конце не забыть про самую красивую клавишу «Enter», иначе всё тут же гакнется. Ник был, конечно, гораздо более продвинутый пользователь, чем тот же Борис Иванович, и подобных ляпов давно не допускал. Особенно не торопясь, со всей этой Вавилонской башней можно было управиться самое большее минут за сорок. Но это чревато. Раскидай он стопочку слишком быстро, через недельку стопка бумаг увеличилась бы на несколько папочек; если бы Ник опять показал свою прыть, башенка еще бы чуточку выросла. Если бы башенка и дальше продолжала расти прямо пропорционально его глупости, Ник нажил бы себе кучу врагов не только в рядах коллег, но и в кругах повыше – молодой человек не дурковал, папки равномерно размазы-

вались на весь рабочий день. Как и многие, Ник терпеливо дрейфовал с девяти до шести, пережидая самый гнилой отрезок времени суток. Постукивая по клавишам, молодой человек думал о том, что его дед без труда бы разобрался во всех тонкостях перебранки, которую ему только что довелось наблюдать. Дед был корифей, хотя и он не раз жаловался, что знание уходит. Отчего это происходит? Ирка – его друг, соратник и брат – талдычила, что их спасет практика. Но и это было сомнительно. Какая уж тут практика, когда и уловить-то толком ничего не удастся...

Ник не успел заметить, как перенёс все букочки в электронную форму, через десять минут можно было дергать с работы. Еще один перекур, потом напряженная работа в течение полутора минут – и прощайте эксцентричная Тютина, неподражаемый Сиропов, удаленный Борис Иванович и остальные дражайшие коллеги. See you tomorrow<sup>2</sup>. До следующего туманного трудового утра в городе с закрытыми глазами и заткнутыми ушами. Последнее, что заметил Ник в этот еще один рабочий день из их нескончаемой вереницы будней, – это то, как стопочку папочек с его стола подхватили и она удалилась в соседний отдел на ножках, заканчивающихся тоненькими блестящими шпилечками. Привет невидимому соратнику, чьи пальчики завтра пробегутся по тем же строчкам! Ник оседлал мотоцикл и на крыльях примчался домой, дома с Иркой гораздо комфортнее и лучше, чем с озабоченным красавчиком Сироповым и истекающей соком Тютиной.

Молодой человек осторожно зашел домой, Ирка, скорее всего, занята. И действительно, девушка стояла у распахнутого окна и как будто не слышала долетевшего до нее шума закрывшейся двери. Ник не видел ее лица, но чувствовал, что она улыбается. Ирка была счастлива. Ветер плясал вокруг, а она с трепетом ловила каждое его движение. Ник, конечно, не мог разобрать ни слова из сказанного Иркиным собеседником, ветер – все-таки не вороны... субстанция вроде как химерная. Отступив на шаг в темноту и стараясь остаться незамеченным, Ник в сотый раз задумался... Что привело их всех к этому страшному бедствию? Почему они перестали понимать шепот ветра? Отчего знания их превратились в труху и они не заметили, как превратились в нищих, не способных разобрать даже крик пролетающей мимо вороны?..

---

<sup>2</sup> See you tomorrow! (англ.) – До завтра!

## Продавец с косой

Семен нашел в блокноте нужную таблицу и отчеркнул линию. Условно столбики можно было озаглавить так: место работы, предмет (он же инструмент) и примерная дата исполнения. Таблицу молодой человек вел для себя, все сведения, касающиеся выполнения возложенных на него функций, фиксировались и хранились централизованно. Шестнадцатым пунктом шел «Салон связи». Судя по предыдущим записям, в этом году он успел поработать в автосалоне, продав всего одну машину, мерчендайзером, расставив по полочкам мириады ряженок и кефиrow, и даже в галантерейном магазине продавцом ниток, пуговиц и прочей швейной канители. Этим список не исчерпывался. Попадись эти записи на глаза работодателю, вряд ли в ком-нибудь выиграло бы желание пригласить такого вот Семена к себе на работу: скачет с места на место, нигде не задерживается, к тому же, судя по списочку, и специалист никакой. Летун, одним словом. Но это при условии, если все эти записи были бы в трудовой, а не на листке блокнота.

В трудовой Семена все было более чем прилично: без рывков и падений, стремительных взлетов и зияющих временных дыр, прослеживался гладкий подъем по служебной лестнице, гладкий настолько, чтобы не действовать на нервы окружающим, как коллегам, так и вышестоящим. Бланков трудовых книжек с какими хочешь печатями в офисе основного места работы Семена была тьма. Нштамповать трудовые – не проблема, билеты Гознака подделывают, не то что бланки, пусть даже и строгой отчетности. Работать Семену приходилось в самых разных сферах, однако он предпочитал области, связанные с высокими технологиями, – раз уж прогресс предоставляет столько возможностей, почему бы и в их деле все его достижения не использовать?

– Сём, ну сколько можно, всё уже остыло, – нависла фонарным столбом Катерина. Молодой человек и не заметил, как она подошла, хотел было захлопнуть блокнот, но Катя была на редкость нелюбопытна, да и не было в блокноте ничего такого, о чем бы она не знала. Мало ли зачем ему понадобилось выписать названия товаров, может, он планировал изучить его характеристики, для продавца это вполне естественно...

Семен посмотрел сквозь Катю – скромная серая мышь, непонятного цвета жиденькие волосы, глазки – пуговицы, сзади болтается обсосанный хвостик, сразу понятно – не его вариант. После недельного знакомства Семен хотел с ней расстаться, предпринял несколько попыток, правда, не шибко активных... Прошел год, но он все еще был с Катей... Семен не сильно заморачивался по этому поводу, внутри сидела уверенность, что в любой момент он может встать и уйти... Хотя хватка и крепчала... Любой мужик за версту такое чувствует. Молодой человек сильно подозревал, что в последнее время у Катерины в голове все чаще бродили мысли о том, что он так прилежно бьет копытом, мечется именно из-за нее. Девочка, похоже, созрела и мечтала об очередном колечке, два уже висело в ушах, третье торчало из пупка. Семен был бы последний, кто стал бы её в этом разубеждать, в конце концов, каждый имеет право на собственный, пусть даже бредовый ход мыслей.

– Иду, – кивнул молодой человек и опять углубился в список.

Ирония заключалась в том, что он имел очень приблизительное представление о результатах своей работы. Кое-что просачивалось в СМИ, но в дозах аптекарских, большая часть оставалась за кадром. Конечно, можно было иметь повсюду информаторов, но это бы сжирало кучу времени, прежде всего – его времени. Хотя, с другой стороны, если бы его работа вызывала нарекания, выгнали б давно взащей, смысл держать?

– Сём, ну, опять? – Катя стояла уже с надутыми губами.

– Иду, иду... – Семен отложил записи и поплелся за девушкой. Все равно ведь не отста-  
нет.

– Со сметаной? – На столе стояли блестящие, побитые шрапнелью блины.

За год совместной жизни Семен поправился на семь кг, но Катя не собиралась останавливаться на достигнутом, будь ее воля, она бы привязала Семена к стулу и насильно кормила мучным и сладким. В скором времени Семен превратился бы в невнятного пельменя, а ей того и надо... Направление мысли понятно... Тем не менее от блинов Семен не отказался.

Поморгав белыми ресницами, Катя подвинула сметану и успокоилась, только когда Семён отправил первый блин в рот.

– Сём, я хотела тебе сказать...

Семен поднял на нее полные страдания глаза: «Ну почему баб разбирает на базар, когда у мужиков полный рот?» – Давясь блином, молодой человек попытался остановить ее взглядом, но редко какая баба поддается на такие штуки.

– По поводу работы?

– Да ты не переживай... – кивнула Катя.

– Да я и не переживаю, – пережевывая, проговорил молодой человек. – На крайняк таксовать пойду.

Конечно, таксовать он бы не пошел просто потому, что ему нужно окучивать и другие сферы помимо несчастных случаев на дороге. Ну не выделяют им одну сферу, хоть ты тресни, хотят сделать из них многостаночников. Скорее всего, не хотят привлекать лишнее внимание.

Катя, не сводя глаз с Семена, трещала о том, что она ни за что не отпустит его работать таксистом, каких только ужасов с ними не происходит: и нападают, и угрожают, хорошо еще, если просто деньги отнимут, а если по голове шарахнут? Неожиданно Катя перескочила на какого-то хомяка, на страшную историю о том, как ее сосед когда-то получил от родителей три рубля, пошел на птичку покупать себе друга жизни, а какой-то урод стукнул его по голове, отнял три рубля и на всю жизнь оставил инвалидом. Семен слышал что-то подобное, не от Кати, давно.

– Так н... должно, – проглотил вместе с блином середину предложения Семен. Что до него, не любил он эти неестественные состояния, если уж рубить хвост, то сразу, но, похоже, не все разделяли его мнение. Да и кто он такой, чтобы к нему прислушиваться? Исполнитель, шпиндель в гигантской машине.

– Как должно? – Катя, конечно, не услышала проглоченное. – Ты понимаешь, человек и хомяк! – строго проговорила она. Катя была человек спокойный, безобидный, на первый взгляд, даже пластилиновый, но это было обманчивое впечатление, в некоторых ситуациях Катя была глыба. – Да он же гад после этого, а не человек!

Семен намазал сметаной следующий блин.

– Да его могли просто использовать! – жуя, проговорил он.

– Как использовать? – не поняла Катя.

– Да так, он получил задание от кого-нибудь сверху. Может, даже не осознавал, что делает. Хотя... скорее всего неспроста именно ему всё поручили. Они, кстати, давно живут среди нас и принимают разные облики.

Катерина вдумчиво хлопала ресницами.

– И руки у них не руки, а... щупальца, – продолжал Семен. – И они этими щупальцами могут творить всякие неприличные вещи. – Рука молодого человека поползла под подол Катиного халатика, лучшей темы для смены разговора не придумаешь.

– Ну, Сём! – Девушка вскочила со стула, по щекам разлился румянец. – Семен уткнулся опять в тарелку: «Наконец-то! Можно хоть пожрать спокойно». Блин не спеша сполз в желудок. Того самого, что только что было обещано Катерине, совсем не хотелось. «Ничего, в случае чего можно соскочить, свалив все на обожрательность», – успокоил себя молодой человек, шмякнув сметану на очередной блин.



чистоты эксперимента ей можно предложить другие варианты, но ее все равно будет неумолимо тянуть к той самой лампочке. И даже если сейчас она уйдет без него, этот телефон ей купит и подарит кто-нибудь из родственников или она сама вернется, а он её будет ждать...

Девушка оказалась подкованной. В отличие от большинства дамочек, которых интересует скорее внешний вид, чем функциональность, ей было интересно, что внутри. С одной стороны, это хорошо – чем больше она разбирается в функциях телефона, тем активнее будет его использовать, но с другой – сколько времени нужно для того, чтобы машина обернулась вокруг столба, если это «твой» столб, или поймать обвалившийся балкон, если это «твой» балкон? Мгновение...

Девушка выяснила все, что ее интересовало о телефонных внутренностях, встал вопрос и о чехольчике. Женщина остается женщиной. Выбрали кожзам со стразами. Жуть жутью! Покупательница переживала о том, сколько они продержатся и когда отвалятся, – совершенно необоснованно... Девушка расплатилась. Семён проводил ее скучающим взглядом, дело сделано, можно еще недельку-другую для отвода глаз поработать и увольняться. И все-таки правильно придумали, что им приходится так часто менять место работы, не успеваешь надоест... И как некоторые стоят по двадцать лет за одним и тем же прилавком или составляют одни и те же отчеты? Рехнуться же можно от этого нескончаемого дежавю...

Катерине решил сообщить о том, что и здесь не задержится, ближе к концу недели. Каждая новая работа Семена для Кати – новый стресс. Больше всего Кэт всегда интересовало, с кем Семен будет проводить большую часть суток – с мужиком или бабой? Семена от этого всего уже слегка подташнивало: мужик, если приспичит, изменит и в трамвае, и на работу для этого ходить не надо. А вот некоторые особы со своими хитро выделанными вопросами уже достали.

Вечером за ужином Катя рассказала про случай с сестрой ее школьной подруги. Девушка, едва успев купить телефон, уронила его в ванну, и ее ударило током. Семен дернул бровью: «Вот уж точно, Москва – большая деревня».

– А у вас в салоне такие продаются? – Катя назвала ту самую модель.

– Кажется, да, – кивнул Семён. – Они сейчас во всех сетях есть.

Катя попыталась хоть что-то разглядеть на лице молодого человека. Лицо было самое обычное для Семена, непроницаемо-каменное, однако Катерина сделала вывод, что и здесь без него не обошлось. Мышка пробежала, хвостиком вильнула... Первый раз мысль о профессии Семена промелькнула у Катерины с полгода назад. Девушка даже не сильно удивилась. Сейчас народ чем только не зарабатывает... Что касается ее собственной жизни рядом с Семеном, то здесь Кэт была спокойна. Козел вон вместе с тигром живет – и ничего, в интернете их жизнь в режиме онлайн показывают, и у них даже любовь. Если б было надо, Семен давно бы ей или чего-нибудь в чай плеснул, или фен в ванну уронил, но, видно, не в его она списочках... В остальном Семен был вполне нормальный мужчина, любил пожрать, поспать, от работы не перегнулся бы, а у нее за порогом пятеро не стоят, чтобы мужиками разбрасываться. Да и в зеркало она смотрится...

## Вендетта в современной обработке

Ляля первый раз заглянула в «Курятину и Мармелад» осенью. Ресторанчик ей понравился, приятная атмосфера, на стенах аппетитные картины, в нишах вазы с торчащими макаронами. Девушка присела у окна, но потом перебралась в уголок за столик, с которого отлично просматривался вход. Заняв наблюдательную позицию, девушка представляла собой замечательную картину – красивая, румяная, с круглыми щечками, милыми ямочками, вздернутым носиком. Ляля была из разряда тех девушек, от которых глаз не отвести, но стоит отвести – тут же о них и забудешь, потому как тут же наткнешься на точно такие же глазки и щечки. Оставшись всем вполне довольной, девушка в ресторанчик зачистила. Заказывала она осторожно: осторожно обычно заказывают те, у кого куры деньги все-таки клюют, или же те, кто пришел в ресторан не набить брюхо, а по совершенно отвлеченному делу. На офисных Ляля была не похожа, те трещали как сороки, делали вид, что им не всё равно, что глотать, и в промежутках между тыканьем вилок успевали вставить краткие диалоги про заказы и заказчиков. Лежащие на их столиках телефоны были сплошь айфоны, в ушках и на шейках блистала изящно-ювелирная «Вермишель», и на запястьях двигали время дорогие часики. Стоило айфону блыкнуть – зацепившийся за вилку лист салата или ложка с сырным супом зависали в воздухе, обедающий начинал быстро-быстро жевать, двумя-тремя уверенным глотками пропихивал всё внутрь, прислонял ухо к трубке и бодренько отвечал: «Запаркин!» (или «Кобылин!», или «Бурбурканавкин!») – вариантов множество, подставьте свой...) Ляля вела себя заметно ровней, не так часто дергалась и, казалось, была сосредоточена на том, чтобы минимально возможный заказ максимально растянуть во времени. Стасу не составило большого труда вычислить, что Ляля таскается в «Курятину и Мармелад» с единственной целью – подцепить мужика! У работников общепита глаз на это дело наметанный.

Способы охоты на сердце, счет и кошелек лучшей нашей половины в последнее время претерпели значительные изменения. Еще совсем недавно неутомимые Дианы, Полины и Татьяны таскались по музеям и выставкам, между экспозициями Ренуара и Дали находили еще не сильно запылившегося современника – и, как говорится, дело в шляпе. Потом пошла какая-то остервенелая мода на экспатов, бабы буквально свихнулись на всем иностранном, любая уважающая себя красотка мечтала укатить за бугор. Однако быстро выяснилось, что заморский мужик жаден до чертиков и скорее удавится, чем потратит на вас кровный пенс или пфеннинг, к тому же в последние годы конкуренция стала аховая, на английском теперь балакают все от Воронежа до Казани, а экспатов на всех не напасешься. Тогда-то кое-кто и сообразил, что и у нас не только каменного угля, но и хороших мужиков залежи. Женщины снова развернули лыжи в сторону родного отечества и рванули, конечно, туда, где мужик водится: в офис, на склад, на завод! Оказалось, что мужика охмурить проще, если строить с ним вместе трубопровод, возводить башню, перекидывать через реку мост! И тут снова кое-кто допетрил, что приличного мужчину можно встретить не только на рабочем месте, когда мысль его рвется вдаль, ему можно понравиться... во время обеда, в современной терминологии – бизнес-ланча!

Заведение «Курятину и Мармелад» Лялей было выбрана неслучайно – центр города, скопление офисов, рядом штаб-квартира нефтяного гиганта. Ляля предварительно прозондировала, что запасов нефти у нас хватит еще лет на пятьдесят, значит, и нефтяные мужики будут водиться примерно столько же. (В разных источниках цифры варьировались, но Ляля не переживала, на её век хватит.) Девушка оказалась даже более дальновидной: на случай неприятностей с нефтью (геополитику порой сложно просчитать) Ляля заметила парочку корпораций, торгующих шампунями и другими пускающими пузыри жидкостями – их

офисы находились так же поблизости. Одного топ-менеджмента в этой Силиконовой долине набиралось душ двести-триста. Триста! А ей нужен всего один!

Ляля прилежно ходила в рестораник уже с месяц, но пока с нулевым результатом. Еще не закаленная неудачами девушка несколько скисла, стала высматривать среди жующих менеджеров и меньшего калибра и в ужасе констатировала, что не отказалась бы даже от начальника какого-нибудь отдельчика, с которым жить, конечно, можно, хотя и не так, как с топ-менеджером. Пока Ляля вынюхивала да высматривала, Стас крутился поблизости: молодой человек работал в «Курятине и Мармеладе» официантом. Молодые люди вежливо здоровались, Ляля приветливо улыбалась и даже пару раз показывала свои ямочки. Она, конечно, была не коза, официантов за людей считала, однако одно дело – люди и совсем другое – мужчина!

Ляля, конечно, заметила, что Стас к ней периодически подкатывает, но пока его игнорировала. Молодой человек не оставлял попыток. Ляля была... нет, не оскоблена, она был в недоумении. Стас напирал. Ляля всё больше удивлялась, и дошло до того, что ей пришлось сменить место дислокации. В «Курятине и Мармеладе» она не появлялась недели три. Однако в других заведениях оказался полный тухляк: когда солнце стояло еще высоко, на обед в них забегали в лучшем случае главные специалисты, среди прочей офисной тли бродили с сальными хвостами айтишники... Ляле пришлось вернуться. Девушка решила не замечать Стаса, пила до тошнотиков выжатый ананас-сельдерей, до мушек в глазах таращилась на вход, выхлопа все не было, Стас всё крутился рядом, и Ляля неожиданно согласилась. Почему? Не стоит здесь копать слишком глубоко, причин может быть множество, взять хотя бы одну из наиболее часто встречающихся... для здоровья... К тому же Стас был высок, приятен, кучеряв, одним словом – готовый распуститься бутон! В жилах его бурлила кровь, в кармане иногда водились деньжата, и напор был такой, что позавидует любой топ-менеджер.

Отношения завязались. Молодой человек даже позволил себе слегонца увлечься. Влюбленность, конечно, не такая, чтобы сломать себе шею, придает отношениям пикантность. Вся эта резина, наверное, и дальше бы тянулась, если бы на горизонте Ляли наконец не появился Он. Встретила она Его, конечно, не в «Мармеладе», а совершенно в другом месте. Вот так вот судьба иногда улыбается...

Ляля не стала юлить перед Стасиком прежде всего потому, что это потребовало бы от неё лишних усилий, она была девушкой честной, честно искала свое счастье и, кажется, его нашла. Стас был взрослым мальчиком, Ляля исчезла, он не сильно переживал, да и как тут переживать, когда на улицах просто нашествие симпатичных лялечек. Стас, наверное, никогда бы больше не вспомнил о Лёле, если бы не... Антошка, Антон Сергеевич Лапка – он же золотая рыбка, заплывшая в сети Ляли.

Природа случайностей до конца не изучена, влетают ли они в нашу жизнь по принципу генератора случайных цифр или присутствует какой-то высший умысел, не очень понятно, но, во всяком случае, нужно считаться с тем, что явление это существует независимо от того, хотим мы этого или нет. Лапка вот уже полгода гулял Лялю, в программу входили бутики, заграницы и другие приятные неожиданности, вечерами влюбленные отправлялись во что-нибудь французско-грузинское, побаловаться плюшками, ляжками, лапками и вином.

В один из таких вечеров Антон Сергеевич припарковал свой автомобиль на пяточке возле рестораника, подняв глаза, Ляля прочла вывеску «Курятина и Мармелад». Ляля, конечно, была не лишённая ума женщина и понимала, что своих мужиков, хотя бы даже один из них и был бывший, желательно разводить во времени и пространстве; она, безусловно, именно так бы и поступила, если бы могла предположить, что из мульёна кофеен и рестораников Лапка выберет именно это место. Тем не менее, даже когда Лапка вытащил ключи из зажигания, у Ляли еще оставались пути к отступлению, можно было что-нибудь наврать,

выкрутиться, но Антон Сергеевич ни с того ни с сего напустил на себя такой таинственный вид, что Ляля, почуяв наконец плывущее в руки счастье, ойкнула, побоялась его спугнуть и, опустив глазки, зацокала рядом с рыбкой. К тому же столько воды утекло, Стас мог увольтиться, могла оказаться не его смена, да и вообще, мало ли чего могло оказаться...

Могло, но не оказалось... Стас не уволился, была его смена, и в довершение всего Антошка плюхнулся именно за тот столик, который обычно обслуживал Стас. Стас был уже где-то рядом, но Ляле было не до того, всё её внимание было приковано к спутнику. Антошка разместил свое пухленькое тельце на диване, подпихнул его со всех сторон подушками, побледнел, пару раз запустил пятерню за плотно облегающий ворот, натер шею и наконец стал красным как рак. Стас не заставил себя ждать – вырос возле столика влюбленных. Царапая в своей книжечке заказ, молодой человек успел рассмотреть Антона Сергеевича, уже не юного, распухшего от достатка, но в общем довольно приятного и счастливого толстячка, которого просто распирало от того, что рядом с ним сидела вот такая вот Ляля! Ревность тут неуместна. Стас знал себе цену. Было ясно, что Ляля наконец нашла, что искала. Конечно, было глупо тащить толстяка в «Курятину и Мармелад», но Стас не обиделся. Баба – не человек, курица – не птица, какими уж изгибами проходит у нее мыслительный процесс, неизвестно...

Пока Ляля и Стас не замечали друг друга, Антошка, все еще претерпевая метаморфозы, зрел. Наметанным глазом Стас угадал в Антошке «тот самый случай» и уже точно знал то, о чём только догадывалась Ляля. На лице Антона Сергеевича сменяли друг друга умиление, восторг и в то же время неуверенность, как бы уверен в себе он ни был. Антошка вынашивал предложение...

Пока пухляк пыхтел, робел и мучился, Ляля была само изящество: казалось, даже тело её старалось не делать лишних движений, чтобы не спугнуть милого. Антошка всё тянул, хлопнул для храбрости уже два бокала шампанского, которое вообще никогда не пил, покрылся пунцовыми пятнами. Стас подливал, подносил, время шло, Ляля заметно нервничала, не вытерпела (у кого хочешь нервы сдадут), вскочила, куда-то побежала, разумеется, наткнулась на Стаса и, прежде чем скрыться за дверью, ляпнула что-то обидное, неосторожное, относящееся вовсе не к Стасу и даже не к Антону Сергеевичу, а к ситуации в целом... Лялю, конечно, можно было понять, но что-то клацнуло, Стас стал мрачнее самой черной тучи. Джентльмен, который не позволил себе ни единого намека на то, что они с Лялей знакомы, готовый молчать о том, что Ляля таскалась к ним в «Мармелад», пытаясь подцепить зайку, сдулся – пока Ляля пудрила носик, в груди у Стаса что-то копошилось и назревало.

Антошка в это же самое время собирался с духом.

Стас подошел к столику и, наверно, совершил бы подлость, если бы в этот самый момент Антон Сергеевич не повис у него на рукаве.

– Молодой... человек... – Маленькие глазки толстячка приняли страдальческое выражение, он похлопал себя по карману, вынул красную коробочку и ткнул ею в Стаса.

– Как бы... это... – Антон Сергеевич покосился в том направлении, в котором исчезла Ляля. Вид у него был умоляющий.

Подобная сцена могла бы оставить равнодушной твердолобую тыкву, но не мягкотелого человека. Стас неожиданно размяк. Куда ему только не приходилось запикивать кольца. Проще всего кинуть кольцо в бокал; хорош этот способ еще и тем, что кольцо хорошо видно, соответственно, меньше шансов проглотить и подавиться. Но, с другой стороны, способ этот до того затерли, что он стал вроде как не комильфо. Стас с позволения взял коробочку, со знанием дела открыл. Бриллиант сверкнул! Антон Сергеевич вспыхнул! Брови Стаса встали домиком. Мужчины переглянулись, зародилось что-то вроде мужского товарищества.

– Пять карат, – промокнул лоб салфеткой Антон Сергеевич.

Стас, хватанув ртом воздух, замер.

Польщенный Антон Сергеевич расплылся в улыбке.

– А что если... в шербет? – выдвинул предположение Стас.

– Точно! Точно! – Антон Сергеевич затряс в воздухе ручками. – Она его очень... очень...

Стас взял кольцо, вернул коробочку и летящей походкой удалился в сторону служебного помещения, в котором сновали белые колпаки. Три замороженных шарика, припорошенных кокосовой стружкой, сверху пучок мяты – и блюдо готово! После кухни Стас завернул в раздевалку, быстро оглядевшись по сторонам, раскрыл свой ящичек, вытащил из кармана куртки маленький пузыречек. Содержимое пузырька Стас когда-то опробовал на себе, результатом остался доволен, правда, один выходной был изрядно подпорчен. Тонкий слой пудры украсил шербет. С торжественной улыбкой молодой человек возвратился в зал. Играла мягкая, приглушенная музыка: в вечерние часы «Курятина и Мармелад», промышленная с двенадцати до шестнадцати часов бизнес-ланчами, напускала на себя романтический флёр. Все вокруг журчало, струилось, мерцало, по столам трепыхались свечи. Ляля уже возвратилась и, затаив дыхание, казалось, обдумывала, кому же она достанется? Стас подкрался, незаметно перемигнулся со счастливым.

Креманка оказалась перед Лялиным носом. Антон Сергеевич, увидев мороженое, вспыхнул до кончиков ушей, окончательно влюбив в себя Стаса... и пошел в наступление.

Стас не стал смущать героя, галантно удалился, но, обходя зал, краем глаза все-таки следил за столиком Ляли и Антошки. Ляля набросилась на шербет так, как будто не ела полгода, то, что не удалось запихнуть в рот, сразу было безжалостно разворочено ложечкой, стружка летела во все стороны. Наконец кольцо было найдено. Ляля взвизгнула. Антон Сергеевич поднатужился, побледнел и разродился! Предложение было сделано.

Радостное событие не осталось незамеченным: остальные официанты и старший менеджер, находящийся в зале, оживились. Покачиваясь между двумя крепкими руками, над полом проплыла корзина с сезонными фруктами – подарок заведения. Ляля была в восторге! Конечно, не от персиков и черешни. Еще с полчаса голубки поворковали и стали собираться. Антон Сергеевич рассчитался, еще раз незаметно подмигнул Стасу. Когда парочка удалилась, Стас уже под салфеткой нашел второй дубль солидных чаевых. Антон Сергеевич был и правда душка!

\*\*\*

На следующее утро Ляля, зеленая и изможденная, лежала на белоснежных подушках. Рядышком на такой же нежной подушке дремал не менее изможденный и тоже не спавший всю ночь счастливый влюбленный. Всю ночь Антон Сергеевич вел себя, как рыцарь: не отходил от Ляли ни на шаг, повсюду ее сопровождал, подносил и уносил тазики, отлучился разве что на минутку в аптеку, чтобы закупить разного рода средств. К утру Лялю, благодаря его стараниям, отпустило. (Да и Стас, кстати, не был гадом, сыпанул порошка немножко, а обидеться может любой мужчина. Некоторым, конечно, его поступок может показаться вопиющим, не берусь спорить, однако хотелось бы сказать, что Стас поступил, несомненно, более гуманно, чем негодяи, плюющие в суп.)

С первыми лучами солнца действие порошка закончилось, Лапка был счастлив, у Ляли разлился на щеках нежный румянец и опять появились ямочки. Антон Сергеевич, человек опытный и умудренный жизнью, конечно же, обо всем догадался – надел тапочки, вышел в подъезд и лично выкинул остатки ненавистной черешни!

## Призрак замка

Алка прибежала домой взбаламученная, повисла на шее у отца, взвизгнув, подбежала к матери, чмокнула в прокуренные усы деда и, схватив за руку старшую сестру, потащила её в комнату. Пусть остальные не обижаются, но первой обо всем должна узнать Ульяна. Алка с самого детства привыкла посвящать сестру в самое сокровенное, столько всего было вместе пережито, столько подушек насквозь проплакано, чего стоили одни похороны хомяка.

– Уля, ты не поверишь... – Алка стиснула до удушья сестру и засопела ей в ухо, ей до умопомрачения хотелось поделиться всем с Улей, но еще больше хотелось, чтобы Уля догадалась обо всём сама. – Ну! Ну! Ну! – чуть не прикрикнула на сестру она.

Уля дала себя потискать, что поделаться, Алка и сдержанность – понятия полярные, совсем другое дело – Уля, к лобызаниям не испытывающая разве что брезгливость. Уля обрадовалась в слух, похоже, наметился очередной виток стремительно развивающегося романа.

С самого детства Алка часто и густо влюблялась, сначала в героев из ящика, лет в четырнадцать её, как и положено, тюкнуло, и она сообразила, что экранная любовь – вовсе не любовь, а дымка, обман, суррогат, сладость есть, а толку – нуль. Девочка стала вертеть головой по сторонам, под горячую руку один за другим попали Витька из восьмого класса и Славик с шестого этажа.

Отпустив шею сестры, Алка наконец отлипла, но тут же потребовала:

– Закрой глаза!

Уля закрыла, сердце стало биться тяжелее. Алка, не сводя глаз с бледного лица сестры, торжественно протянула руку.

– Открывай! – скомандовала она.

Уля глаза не открыла.

– Ну! – чуть не притопнула Алка.

Уля послушалась. Алка искрилась и переливалась, ничуть не уступая поблескивающему на её пальчике камешку.

«Как банально и... смешно», – промелькнуло в голове Ули.

Алка опять повисла на шее сестры и затараторила ей на ухо всё, что с трудом умещалось в груди.

– Сначала мы танцевали, и музыка такая... романтик... вообще-то, у них там хорошая подборка, слезоточивая, – хихикнула Алка. – Ну, и для этого дела сойдет. – Алка расширила глаза и многозначительно глянула на сестру, надеясь, что та поймет. – Потом, потом... песня кончилась, мы пошли обратно к столику, сели, нет, это я села. – Алка сбивалась, скакала с пятого на десятое, пытаясь переварить свалившееся на нее счастье... – Да, да, да, я села, а он встал за спиной и так галантно подвинул стул, нет, сначала – он подвинул, я села, а потом официант и это ведро, ой, ведерко! – Алка, прыснув, надавала себе по губам. – А потом вдруг стал такой серьезный-серьезный и пристально так смотрит. – Алка тоже замерла и стала серьезной. – И тут вдруг – хлопьсь! – на колени! – Алка, не раздумывая, с лету бухнулась на пол и, уткнувшись лбом в колени сестры, пробубнила: – Представляешь?!!

Когда она оторвала лоб от Улиных ног, на губах сестры играла легкая, почти джокондовская улыбка, за эту самую улыбку (а вовсе не за свое имя) она еще в детстве получила прозвище Улитка. Показавшись на свет божий, улитка представляла собой сплошное созерцание, а уж если пряталась – всё, амба! Что уж там творилось за стенами раковины, оставалось только догадываться, всем, даже приближенной Алке.

– А потом... – Алка сделала длинную паузу, в которую могла уместиться куча всего, ей тоже хотелось напустить туману, хоть разочек в жизни.

– А потом он пообещал достать с неба звезду, – закончила за нее Уля.

– Примерно, – выпалила Алка, ни капельки не удивившись Улиной прозорливости.

– Короче, всё, я теперь девушка замужняя, – затараторила Алка и, почему-то надув щеки, степенно прошла из угла в угол. – Ну, скажи, скажи, он правда замечательный, а? – Алка, как собачонка, заглянула сестре в глаза.

Олег действительно был замечательный, весь, от носа до кончика хвоста. Конечно, даже на солнце есть пятна, и у Олега они были, но ведь никто каждый день телескоп с собой не таскает.

– От него прям исходит уверенность и... бабы тают, тают, тают... – Алка сделала такое лицо, как будто собственными глазами видела нескольких растаявших. – Понимаешь, за ним – как за каменной стеной... И еще он мне сказал, что он строит замок. Представляешь, самый настоящий замок. Вот бы здорово жить в нем втроем!

Уля как-то странно посмотрела на Алку.

– Ну, да. Не то, – моментально осеклась Алка, сообразив, что сморозила ерунду.

«Неужели... замок...» – забираясь всё глубже в раковину, перебирала Уля.

– Ну, ты рада? Рада?! – Алка последний раз дернула Улю и поскакала к остальным, ей нужно было обязательно разделить радость со всеми, иначе от всего этого можно было просто лопнуть.

На кухне Алке тут же учинили допрос. И это неудивительно. Родителям не терпелось знать про будущего зятя всё! Области, интересовавшие родню, были самые разнообразные. Мать с короткими интервалами раза три спросила про зарплату. Алка каждый раз выдавала какую-то огромную цифру – реальный доход Олега она вряд ли знала, – мать верила, да и Алка сама уже тоже верила. Отец поинтересовался, где молодежь собирается жить. Алка, как ни странно, решила про замок промолчать. Проблески бывали даже у Алки. Самым неприземленным оказался дед: узнал, когда Олег родился, записал дату на клочке газеты и удалился. Появился он спустя несколько минут, сел на табуретку, многозначительно погладил бороду и приступил. Олег оказался козлом. Увидев смятение в массах, дед поспешил всех успокоить. Козлы, оказывается, очень упорные, хорошо приспосабливаются, слегонца самовлюбленные, не без этого, но есть в них какая-то основательность, жить они умеют, и деньги их любят. Собравшиеся несколько успокоилась, тем более что дед сообщил, что в гороскопе это еще не самый худший зверь. На этом дело не закончилось. Олег оказался еще и рыбой. Качества у рыбы и козла были диаметрально противоположные, но деда это не смутило, он объяснил, что такое бывает сплошь и рядом и что человек такая животина, что всё в нем уживается, поэтому-то он и ведет себя, как последний хамелеон, а истинное лицо свое никому не показывает. С дедом спорить не стали, однако в головах обозначилась некоторая путаница, так и осталось неясным, что за зверь женится на Алке.

\*\*\*

Зверь появился в доме очень скоро, буквально на следующий день. Как ни странно, теперь Олег предстал перед всеми в образе похитителя птенца из гнезда. Птенцом была, конечно, Алка. В матери проснулось что-то патриархальное, дотоле долго дремавшее. Покладистая, тихая женщина вдруг будто белены объелась, заявила, что руки Алки нужно просить не у Алки, а у неё – и уж она будет решать, давать свое благословение на брак дочери или нет, а без этого ни-ни... Отец свернул разговор на машины и гараж, надеясь хоть здесь найти слабину в слишком уж напомаженном Олеге. Въедливее всех оказался дед, старик, не стесняясь, задавал каверзные вопросы, причем было совершенно не ясно, куда он стрелнет в следующий раз. Убедив себя в том, что никто, кроме него, этого не сделает, дед долго ковырялся в генах на предмет всяких сюрпризов в наследственности, выяснил отношение будущего зятя к полигамии, задал в лоб еще несколько с подковыркой вопросов. Олег с легкостью отбил от родителей, обошел все засады фронтовика, Уля на время цирка удалилась.

После знакомства с родней конфетно-букетный период продолжился. Олег будто с цепи сорвался, каких только подарков Алка домой не таскала, как царь Кощей, складывала всё в сундучок и чуть ли не каждый вечер перебирала свои сокровища. Обязательным участником действия должна была быть Уля. Нежадная Алка уже тысячу раз предлагала сестре примерить что-нибудь из несметных богатств, но та все как-то увиливала. Олег и на этом не угомонился... Ему вдруг вздумалось отвезти Алку на острова, да еще не одну, а со всем семейством. Такое лихое развёртывание событий почему-то никого не удивило. Дед хотел было ввернуть, что сначала бы неплохо в загс, а потом острова, но так и не ввернул. Мать поначалу заартачилась, уперлась и ни туда ни сюда. Отец тоже. Олег открыл второй фронт, глубоководная рыбалка и гарантированный двухметровый тунец сделали свое дело. Отец согласился, мать без поддержки быстро спеклась. Остались еще два члена семейства: дед и Уля. Дед неожиданно и наотрез отказался, по политическим соображениям, – сказал, что любит родину и ни на что её не променяет, даже на две недели. Ему тысячу раз объяснили, что это с возвратом, но дед упрямо стоял на своем... Ульяна собиралась-собиралась, все были уверены, что она тоже едет, но в последний момент всё сорвалось, её не отпустили с работы.

В итоге поехала странная компания из четырех.

Бог ты мой, сколько Алка всего испытала за время одной поездки! Остров лежал на высоте всего лишь двух метров над уровнем моря. Это очень страшно. Алке все время казалось, что земной шар вот-вот даст крен и их вместе со всеми пальмами и кокосами смоеет. Отец аргументированно доказал, что это возможно только при смещении земной оси и, пока не растают полярные шапки, этого не произойдет. Алка всё равно не верила. А цунами, подводные толчки – да разве можно всё это предвидеть? Млела от ужаса и уже не раз представляла себе, как было бы сладко во время всех этих катаклизмов прижаться к Олегу, а после – хоть потоп! Потом они катались на гигантских черепахах. Потом Алка с Олегом стояли и держали в ладошках одно на двоих солнце. Потом все вчетвером ходили в набедренных повязках из диковинных цветов. И Олег был всегда такой веселый и даже чуточку не похожий на себя. Алка только успевала выкладывать фотки и очень обижалась, если Уля их вовремя не просматривала.

\*\*\*

С островов приехали загорелые и чуточку утомленные. Влюбленные уже перебрали несколько дат и со дня на день должны были объявить родне, когда же наконец всё свершится.

Дом погряз в приятных хлопотах, состояние Алки передалось всем, все поглупели от счастья, и всем было чуточку жаль своей простой и не очень устроенной жизни. Одна только Уля жила по-прежнему в раковине.

Телефон Ули был давно на беззвучном. Но тут дозванивались долго, дед строго глянул на дребезжащее устройство, и Уле пришлось взять трубку. Девушка выскользнула на балкон.

– Уля, – услышала она в трубке знакомый голос. – Не клади трубку, слышишь?

Уля молчала, вдали возвышались две башни высоток, девушка блуждала по ним взглядом.

– Уля, ты меня слышишь? – Голос звенел от злости, странно, Олег редко злился.

Между домами тянулись длинные провода, на проводах сидели птицы.

– Я же обещал, что превращу твою жизнь в ад, – пошутил Олег и опять повисла тишина. – Забудем... с чистого листа... хочешь?... – Голос Олега стал мягче.

– А как же Алка? – проговорила в трубку Уля.

– Алка? – не понял Олег и на секунду задумался. – Что-нибудь придумаем, – уверенно ответил он. – Мы...

Уля больше не слушала... в ушах звенело это только их «мы»... что же произошло?... маленькая глупость... размолвка... на каждом шагу вранье, зашкаливающее упрямство, три жутких месяца, день за днем затянутые в воронку, пасть которой становилась всё больше... но Олег со всем еще может справиться... а она... она не может и дальше жить в раковине...

\*\*\*

Алка, житель северного города северной страны, узнав, что Олег её оставил, вела себя прямо-таки по-мексикански. Воспитание на сериалах сослужило плохую службу. Первым делом была изрезана в лапшу подаренная Олегом шуба, потом разорваны в мелкие клочья ненавистные фотографии, следом уничтожены все файлы с солнцем, морем и тунцом, оставались украшения... но тут подсуетилась мать, припрятала. Алка крушила все вокруг себя, как зловещий тайфун, которому еще не успели придумать красивое имя. Не тронула Алка только Улю, посмотрела на нее глазами, полными слез, и наглоталась таблеток. Таблетки у деда оказались убойные. Скорая застряла в пробке. Алку откачать не успели.

Мать плакала очень, отец молчал, только стал серый, как асфальт; дед, видевший много смертей, и молодых, и юных, хорохорился и сказал почему-то, что Уля родилась под несчастной звездой, наверно, перепутал с Алкой.

После похорон стало еще тяжелее, теперь поплохело деду, дед плакал, винил себя за то, что недоглядел пилюли... у Ули в голове роились страшные мысли, но почему-то чаще всего на ум приходил прихлопнутый дверью хомяк...

У подъезда вот уже несколько дней дежурила машина, Уля проходила мимо, зная, что не за горами тот день, когда она откроет дверь и сядет рядом с водителем...

В отстроенном замке жили трое: Олег, Уля и призрак Алки. Дед сказал правду, Уля была несчастливой, а Алке опять повезло, рядом с ней теперь всегда были те, кого она очень любила и с кем так мечтала жить под одной крышей. Комнату Алка выбрала самую верхнюю, самую светлую, ту, которая ближе всего к солнцу. Странно, призрак и солнце. Но Алка всегда была странной, раньше шумной и смешной, а призраком очень скромным и тихим. Шатаясь по коридорам, она старалась ничего не ронять, встретив Улю, долго смотрела ей вслед, а после, забравшись к себе, таяла в лучах солнца...

## Беглец

«И все-таки как-то по-дурачки всё вышло. Она оказалась всего лишь соблазнительным пузырьком и ничем больше. – Борис шел вдоль перекинутого через пролив моста, мост тянулся на многие километры без всяких опор и свай и представлял собой очередной полет инженерной мысли. – Ну надо же быть таким олухом! Существует ведь куча способов проверить реальность девушки. Мыслеобраз, хоть и еле заметно, но все-таки притормаживает, пока сигнал обернется, центр, управляющий им, находится за тысячи километров; более того, нет ничего, чего бы мысленный пузырь не знал, не умел и тут же не сбацал (хотя бы и партию Жизели); ну и наконец – болевой порог, у мыслеобраза он отсутствует, можно же было нечаянно опрокинуть чашку, прищемить палец, дернуть за волосы, в конце концов, – и тогда бы всё сразу встало на свои места... И все-таки жаль с ней расставаться!...»

Борис остановился, припоминая подробности своего недавнего приключения. Клятвы, всхлипывания, а потом вдруг по спине табуном мурашки, задираешь голову кверху и лыбишься на луну... Странно, как это к нему за время их «нереального» романа ни разу не наведались ребята из центра отслеживания состояний, он же, наверное, фонил, как радиоактивный уран, засунь его хоть в бункер со стометровыми стенами, приборы всё равно бы пищали: «Иу-иу. Обнаружен мужчина. Иу-иу. Зона риска. Химический состав крови изменен. Иу-иу. Активное выделение гормонов. Блокирование систем, отвечающих за адекватное восприятие мира. Иу. Мы его теряем».

Молодой человек усмехнулся: а что если за ним следят и сейчас? Тогда почему не вмешаются? Наблюдают? Дают шанс?.. Может, он одумается? Исправится?.. Они ведь очень гуманные... А может, все команды на выезде, нет ни одной поблизости, чтобы вправить ему мозги?.. Все команды на выезде... Странно, как это раньше не приходило ему в голову... значит, он не один такой, а что если их десятки, а может, сотни, тысячи?.. И где они бродят, все эти сотни и тысячи?.. Под ногами пронесся поезд, мост затрясся: «Да... Неплохо бы встретить... соратничка...»

Берега тонули во тьме, и если бы не мелькающие за спиной машины, он был бы совершенно один: а что с ним сделают, если схватят?.. Физически, конечно, не уничтожат, тело для них ресурс, а к ресурсам они относятся трепетно, а вот от заливки камня на камне не останется: где был Вася, появится Петя... спасибо, что не Маша...

«А может, выбросить все из головы... – На секунду Бориса охватило что-то похожее на малодушное сомнение. – Стать, как все... А что, всё не так уж плохо: комплект белья на год, стандартный паек в магазине, над которым корпела целая группа диетологов, через год гарантирована квартира, вполне сносная, не тот коробок, в котором он живет сейчас, коробок попросторнее, еще через год предоставят жену, подобранный кем-то исключительно под тебя экземпляр (неплохо, а?), потом пойдут детки, землекоп от землекопа... – осклабился Борис, – и попробуй скажи, что о тебе не заботятся... Да, жена будет самая настоящая баба – плоть и кровь, как ты сам, а не какой-нибудь дребезжащий мыслеобраз. Фантастика...» – Молодой человек посмотрел вниз на перекатывающееся море, взгляд его стал свинцовым, перед ним опять замелькал образ недавней возлюбленной... Воображение... надо же, куда опять занесло... Ясно, откуда дует ветер и всё это наваяло, кое-что сохранилось в памяти, остальное почерпнул в семейных архивах. Всё дело в бабке, яблоко от вишенки... Бабка у него была дамочка с прибабахом, как кошка влюбилась в деда, странная по нынешним меркам. Деду, как любому гражданину, была положена назначенная кем-то сверху жена, тридцать восьмая статья Конституции, бабка рассудила по-своему: одно дело – заставить человека под чью-то дуду крутить гайки, другое – продолжать род человеческий. Бабка подстерегла назначенную деду спутницу и вместе с ней вошла в дом деда.

Избавиться от нее оказалось делом неподъемным, бабка была нрава крутого. Несколько раз ее промывали, но она, как зомби, возвращалась к деду, в конце концов стерли все, даже имя, но от деда так и не отвадили. Официально прикомандированная к деду женщина в итоге посвятила всю себя стрижке газона, а что ей еще оставалось? Бабка не допускала её не только до деда, но и вообще до любой работы в доме... Женщину эту в какой-то степени даже жаль было, каждодневное лицемерие чьих-то чувств не прошло даром, у неё что-то сбойнуло, она, кажется, тронулась умом, а заодно и влюбилась в деда... Пока та сходила с ума, бабка с дедом наклепали пятерых детей, хотя им и пришла официальная бумага, что им положено только двое... так и пошла поросль...

Борис не отрывал глаз от тихой глади воды, под нею сотни тонн, раздавят, как клопа. Если бы... Раньше повернуть это было проще простого, кирпич на шею – и видал я всех! Сейчас прикончить себя – из разряда нереального, даже не успеешь нахлебаться, прилетят вертушки, выловит гигантский половник, продуют все дырки, а заодно и мозги. Да, умереть вне графика сейчас сложно. Ежемесячные сканирования не дают ни единого шанса закупорке сосудов, инфекционные заболевания задушены в самом зачатке, казалось бы, остались несчастные случаи, но и тут в полете – повсюду датчики, даже машина вряд ли переедет. Сработают жучки, паучки, ботинки сами отпрыгнут метра на два, заранее рассчитав траекторию полета. А дальше... «Берегите себя, граждане и гражданки!» – проговорит ближайший столб. Банальная сосулька тоже, кстати, вряд ли пробьет черепушку. При приближении сработает специально обученный пупырышек, откуда надо выстрелит миниатюрная версия тепловой пушки и... сосулька растает еще на подлёте, лишь слегка забрызгав черепушку, никому не светит остаться лежать с пробитой башкой на мостовой. Государству нужны рабочие пони, и оно ни одной не уступит смерти без боя.

«И все-таки шанс есть...» – Борис опустил руку в карман, почувствовал холод металла, наследство от бабушки. Внутри шелохнулось сомнение. Удастся ли? Черепушка нынче вроде как чудо генной инженерии, сплав титана, легкая, как крыло самолета, прочная, как саркофаг реактора. А может, врут? Никто ведь себе лобешник специально не ковырял. Издалека, догоняя друг друга, катились волны, бабка часто рассказывала байки о других сообществах, о том, что тут ловить уже нечего, а там найти пристанище и пожить еще можно, хотя и у них беженцев прорва... Борис смахнул капли с виска и быстро рванул руку: Ведь бабка с дедом как-то улизули!!!

С неба долетел приглушенный шум вертушек. Борис не успел опомниться, как уже лежал неподвижно, прижавшись щекой к мостовой: кажется, его сбили с ног, кто-то навалился сверху... «Не успел, – снова поплыли обрывки мыслей... Что дальше?.. Участок... Зачитают права, очередная промывка – и он снова станет как все, вернется к достойной работе, о которой не стыдно рассказать детям во время семейного ужина... А может, нет? На этот раз всё будет гораздо хуже, отчуждение тела... чистые, белые стены, раньше головы рубили гильотиной, теперь все эстетичнее, аккуратнее... Отправят уведомление на работу, поставят в известность родственников... Да нет... О таких, как он, стараются не трубить...»

– Не надоело трепаться?! – гаркнул кто-то, проплывающий мимо.

Молодой человек в недоумении вытянул длинную шею.

– Неужели удалось? Удалось!!!

– Удалось, – съехидничал лебедь.

– Бабушка! – Молодой человек кинулся к величественной птице и неуклюже уткнулся клювом в шею.

– Тише-тише, в здешнем обществе это не принято, – проворчала старуха. – Уж и не чаяла дожидаться тебя, такого прыткого! – Птица глядела строго, не моргая. – Без бабки никуда! Ежели б знал, каких мне усилий стоило выхлопотать для тебя здесь местечко. Наши-

то бегут, как крысы, к кому только не попадают, последняя партия просилась к макакам, еле взяли... Всем хотца пожить по-человечески!

– А... – хотел было что-то спросить Борис.

– Сам все увидишь, – отрезала бабка и, пошевелив царскими крыльями, поплыла по глади озера.

## Теория Геннадия Шнуркова

### Глава первая

#### Любовь под лавочкой найдет и сама из-под лавочки достанет

– Нет, это уму непостижимо! – Шляпка съехала набекрень, дамочка, судя по всему, пребывала в сильном волнении. – Раньше стояли за колбасой, писались в очередь за сапогами, и теперь туда же!

Стоящие рядом посмотрели на женщину с некоторым удивлением, нет, не то чтобы ей не верили, конечно, все слышали о временах тотального дефицита, когда гречку и мыло выдавали по талонам, а палка сухого сервелата считалась за манну небесную, но как-то если тебя это не коснулось, то вроде как и не верится. Вокруг стоял один молодняк, народившийся на свет гораздо позднее кризисных 90-х.

– Нет, ну почему не сделать электронную очередь? – продолжала сама с собой беседу дамочка. – Было бы всё интеллигентно, все бы стояли, ждали, никто бы никуда не лез.

– Были, – донеслось откуда-то сбоку.

– Были?! – тут же встрепенулась женщина: голос принадлежал мужчине. – И где же они? – Бровки встали домиком, глазки принялись искать: «Ну, наконец-то, хоть с кем-то можно перекинуться словечком».

– Сломали, – снова долетело до неё. Отвечающий был немногословен, зато всё, что он говорил, было, что называется, сгустком: четко, ясно, внятно.

– Варвары, – возмутилась дамочка и нечаянно поправила шляпку. – А я ведь говорила... – Женщина слегка подпрыгнула, но мужчина надежно скрывался за спинами. – Нужно ставить полицейских, чтобы следили за порядком! Что о нас могут подумать?!

– В городе десять тысяч жителей, к каждому не приставишь, – возразил невидимый собеседник.

Народ вдруг зашевелился, занавес дернулся и чуточку раздвинулся, в образовавшуюся щелочку дамочка наконец увидела мужчину и теперь сверлила его глазами. Взгляд ее пополз по руке, добрался до кисти, на пальце ничего не оказалось. В голове дамочки тут же вылупился проект: познакомились в очереди, потом вместе улетели, а там их уже поджидало новое счастье. Щечки вспыхнули даже ярче, чем нарисованный румянец. Мужчина смотрел куда-то вдаль, обращая внимание на собеседницу постольку-поскольку. Дамочке это даже понравилось. Значит, серьезный. Мадам хмыкнула, крикнула, опять потревожила свою шляпку – очень хотелось продолжения, – не выдержав слишком затянувшуюся паузу, заработала локотками и в два счета оказалась рядом с мужчиной.

– А вы знаете, какие там вопросы задают? – спросила она.

Мужчина посмотрел на неё с удивлением, потом как будто вспомнил, вздохнул. «А, это всё вы», – послышалось в этом вздохе.

Женщина проигнорировала этот отголосок пренебрежения: если на всё реагировать, можно в девках остаться. Дама была уже далеко не девка, но не будем забегать вперед...

– Не в курсе, – ответил мужчина.

– А я слышала, что они дают заполнять анкету, – предположила женщина.

– Глупости, – отрезал мужчина. – Неужели вы думаете, что есть что-то, чего они о вас еще не знают?

– Обо мне? – удивилась женщина. Дамочка была из тех женщин, которые мечтают оставаться хотя бы для кого-то непрочитанной книгой.

Мужчина посмотрел на неё с сожалением: «Женщина, конечно, друг человека, но не более...» – Он был невысокого мнения о женщинах, а о женщинах в шляпках – подавно. Несомненно, вслух он никогда бы это не сказал.

– Как вас зовут? – неожиданно спросила дамочка.

– Геннадий... Геннадий Андреевич, – представился мужчина.

– А я Юлия... Юлия Альбертовна, просто Юля, – просияла женщина.

Геннадий Андреевич посмотрел на «просто Юлю», которой было хорошо за полтинник: «Ну что ж... если женщина просит... Стоять еще непонятно сколько, не все же в затылки тарашиться...» Геннадий Андреевич тоже успевал делать выводы: Юля, похоже, представляла собой сорт женщин, которые всё обо всем знают, и это могло оказаться полезным, мужчина давно заметил за собой неприятную особенность – обо всем узнавать последним.

– Геночка, ну как же они могут обо мне всё знать? – пропищала Юлия.

Геночка чуть не присел, однако взять и вот так отвернуться было теперь не совсем удобно, он все-таки мужчина, а перед ним все-таки дама. Геннадий посмотрел еще раз на «просто Юлию», подчеркнув про себя это «все-таки».

– Вы как будто бы с луны, – проговорил он.

– Нет, я из местных, хуторянка, – пошутила Юлия Альбертовна. – Так откуда вы знаете, что им всё о нас известно?

– Всё же написано в вашей личной карточке, – спокойно ответил Геннадий. – Они даже знают, что вы предпочитаете миндальное мороженое клубничному.

Юлия побледнела:

– Я действительно предпочитаю миндальное... клубничному, – пробормотала она.

Геннадий выдержал паузу, но долго мучить собеседницу не стал.

– Об этом легко догадаться, заглянув в вашу сумочку. – Мужчина указал взглядом на расстегнутую молнию.

– Ах, – Юля рассмеялась.

Геннадий посмотрел на хохотунью не без удивления: только женщина могла додуматься засунуть в сумку мороженое, теперь оно растает, перепачкает всё внутри, она будет возмущаться и в конце концов закидает жалобами компанию-производителя, обвинив их в том, что они не написали на упаковке предупреждение, что нельзя в тридцатиградусную жару засовывать в сумку мороженое.

– Нет, ну а кроме мороженого? – кокетливо улыбнулась Юля.

Геннадий проигнорировал наметившуюся в Юлии игривость:

– Единые базы данных, – серьезно ответил он. – Мы для них всё сами подготовили, им только осталось прийти и взять.

– И что ж, все наши данные тью-тью?

– Ну почему же тью-тью, они их просто скопировали, – объяснил Геннадий.

– Страшно, – неожиданно проговорила женщина.

Геннадий пожал плечами:

– Страшно было раньше, когда за тобой начал подглядывать собственный чайник.

Юля, признаться, не была в курсе таких подробностей. О том, что следят айфоны, было всем известно, но от айфона все-таки можно было уберечься: айфон «кусается», в смысле – не каждый его может себе позволить. Хотя, конечно, и он тоже скоро будет стоить, как семечки; но вот от того, что предателем может оказаться собственный чайник, который уж точно имеется у каждого гражданина, было действительно жутковато.

– А был вообще занятный случай. – Геннадию вдруг захотелось поугадать Юлию. – У одной дамы обнаружили считыватель, и как вы думаете, где?

– Где? – пробормотала Юлия.

– В силиконе.

– В силиконе? – Юлия икнула и сразу побледнела. Геннадию сразу всё стало ясно, Юле тоже сразу стало ясно, что её маленький секрет теперь уже не секрет.

– Вы только ничего не подумайте, – серьезно сказала она.

– А я ничего и не думаю, – ответил Геннадий.

– И что же он делает, этот самый считыватель? – Юлия смело посмотрела Геннадию в глаза, глаза у него были такие, что хоть утонуть. «Эх, скорее бы!» – подумала женщина.

– Да то же самое, что и чайник, сканирует ваши состояние и отправляет куда следует, а главное – не нужно никаких развешенных повсюду камер и себестоимость – копейки, не больше, чем у обычной лампочки. Но насмешка... насмешка вы знаете в чем? – взхлеб вещал Геннадий, видно, данный вопрос серьезно его интересовал.

– В чем? – молниеносно отреагировала Юлия.

– В том, что вы сами за все платите. – Геннадий, воодушевившись, ткнул пальцем в Юлию, попал совершенно не туда, куда рассчитывал. – Ну, вы понимаете, – смущенно проговорил он.

– Ну, и зачем все это? – Юля попыталась увести беседу подальше от щекотливой темы. – Зачем им-то всё знать о нас? – Она вдруг подняла руку и тыкнула неопределенно вверх, над верхушкой дерева парила ворона. – Неужели будут такие, которых не возьмут?

– Удивляюсь, вы уж меня простите, человеческой наивности. Ну, а к чему тогда все эти очереди? Ну подумайте, стояли ли бы вы тогда, на закате коммунизма, в очереди, если бы каждой женщине была обеспечена пара добротной, красивой обуви? – попытался объяснить на, как ему показалось, доступном для Юлии языке Геннадий.

– Значит, вы думаете, всех не возьмут, – озадаченно проговорила дама.

– Уверен, – не стал разубеждать ее Геннадий.

– А вам не кажется это странным? – Юлия, нужно отдать ей должное, наклонилась к Геннадию и теперь шептала ему на ухо. – Прилетели какие-то прощельги, взбаламутили народ, зовут к себе, к звезде Альдебаран, кстати, где это? Если, значит, вы здесь уже всё прошляпили, всё вам тут обрыдло – то айда к нам! Мы, так уж и быть, даём вам еще один шанс сбачать неудавшееся сальто-мортале, только нужно, чтобы вы на этот раз раскинули мозгами и покумекали, в чем же, собственно, состояла ваша здешняя миссия, ну, и защитили этот проект у нас. – Юля так щебетала, что у Геннадия стало влажным ухо. – Ну, а мы, если, конечно, проект удовлетворит нашим требованиям, выделим вам под него время, свое-то вы уже профукали... – Юля наконец отстранилась, расширила глаза, тем самым показывая, что хоть и стоит она вместе со всеми в очереди, но все-таки до конца не верит этим космических аферистам.

Геннадию, надо сказать, уже приходила в голову подобная мысль.

– Ну, и что же у вас есть такое, что вы уже не надеетесь успеть сделать здесь? – Юлия театрально закинула голову и смотрела теперь на Геннадия даже и издевкой.

Геннадий заерзал, на его лбу буквально было написано: «Ну, есть же такие вещи, о которых цивилизованные люди не спрашивают и не суют свой нос куда не следует. Мы же, в конце концов, не айфоны и не чайники!»

– Ну, хорошо, тогда я вам скажу! – ничуть не смущаясь, продолжила Юлия. – Мне обязательно нужно ехать! Годы прошли, как песок сквозь пальцы. – Юлия сделала паузу и тут же с разгона продолжила: – А в душе я знаете еще какая?!

Геннадий внимательно смотрел на Юлию: «Конечно, в душе ей семнадцать, а в жизни семьдесят. Ну, конечно, не семьдесят, это он махнул... Всю жизнь порхала...»

– Да, в моей жизни было многое. – Юля как будто догадалась, о чем размышлял Геннадий. – Но теперь я хочу все переиграть. Я хочу еще исполнить свою главную миссию! Стать матерью! – Судя по горящим глазам, Юлия поставила жирный восклицательный знак.

Геннадий даже испугался. Будь он посмелее, он, конечно, задал бы вопрос: «А где же ты, голуба, была раньше?»

– Да, мы все делаем ошибки, – с вызовом продолжала Юлия, предугадав и этот вопрос. – Но, возможно, ещё не все потеряно...

Геннадию стало чуть-чуть неловко от всей этой свалившейся на него откровенности. Выворачиваться вот так вот наизнанку перед посторонним человеком – было в этом что-то неестественное, после сказанного Юлей он почувствовал, что теперь и ему вроде как тоже нужно что-то сказать:

– Мои задачи гораздо скромнее... Так, самый обычный ученый-теоретик, пока еще не создавший своей теории... Всё думал, как устроен этот мир. – Геннадий Андреевич замялся. – Смешно даже. Нужно работать и не тратить время на ерунду. И на кой черт мне сдался этот Альдебаран, если и у себя на родине ни в чем не смог разобраться... А вы знаете, все это действительно очень глупо, – неожиданно резко продолжил Геннадий. – Я не буду стоять в этой очереди. Как баранов, нас выстроили, а мы и стоим. Невероятно глупо!

Геннадий не успел сделать даже шаг, в него тут же вцепились острые коготки:

– Ишь что удумали! Стояли-стояли, а теперь! – Нужно знать характер и судьбу Юлии, чтобы понять, почему она отреагировала именно так, а не иначе. Юлия много хлебнула в прошлом и теперь ни за какие коврижки не отпустила бы от себя единственного знакомого неженатого мужчину.

Геннадий посмотрел на нее с грустью, и на него вдруг налетела апатия (с учеными-теоретиками это случается). Нет, он больше не сопротивлялся. В конце концов, свою теорию можно обдумывать где угодно: в очереди, рядом с Юлей, даже с альдебаранами.

Юля, несколько успокоившись, продолжала щебетать, задавала себе вопросы, придумывала на них ответы – приятно находиться с женщиной, которая может себя занять. Время пошло быстрее.

Подошла очередь Юлии, потом Геннадия. Они по очереди исчезли в шатре, раскинутом посреди площади альдебарановцами. Юлия дождалась Геннадия, обменялись впечатлениями, договорились встретиться на следующий день, все равно приходить за результатами.

## Глава вторая

### Выбери меня, Выбери меня, птица счастья завтрашнего дня<sup>3</sup>.

Геннадий пришел первый, своей фамилии в списке не нашел. Зато Юлия Альбертовна Цаплина присутствовала. Геннадий не сомневался, что это была та сама Юлия.

На локте у него вдруг кто-то повис, его подтащили к доске, ткнув пальчиком, Юля пробежалась по списку и, найдя свою фамилию, с облегчением выдохнула: – Взяли!

– А вас? Вас взяли? – затараторила она.

Геннадий ничего не ответил.

– Ваша фамилия, – потребовала Юлия Альбертовна.

– Шнурков, Геннадий Андреевич Шнурков, – ответил Геннадий.

Юля еще раз быстро пробежала список глазами и, не найдя нужную фамилию, оттащила Геннадия в сторону.

– Ничего не понимаю, как вы могли не пройти? – полушепотом спросила она.

– А почему, собственно, должен был? – так же полушепотом ответил Геннадий.

– Да потому! Я же вижу, что вы за человек! – рассерженно ответила Юлия. – Прошла даже моя подруга Ритка, а она знаете какая птица! Ритка, – опять зашептала Юля, – сказала им, что всю свою жизнь мечтала завязывать котам хвосты!!! – Юлия Альбертовна выкатила глаза, Геннадий догадался, что это сигнализировало крайнюю степень возмущения. – Хвосты! Бантиком! Вы представляете?! Тут она себя, видите ли, не реализовала! Котов нехватило!

Геннадий не сразу нашел, что ответить.

– Ну, может быть, в этом есть некая целесообразность? – несмело предположил он.

– Вы с ума сошли!!! – осадила его Юля и тут же спросила: – Надеюсь, вы не пустым ходили?

Геннадий её не понял.

– Ну, что-нибудь предлагали? – нетерпеливо проговорила Юлия.

– Что предлагал? – опять не понял Геннадий.

– Всё, что у вас есть! – Юля начала выходить из себя и вдруг дернула Геннадия за рукав.

– В каком смысле? – безропотно стерпел он.

– Да в самом прямом! Квартира, дача, машина!

Настала очередь Геннадия удивиться.

Юля посмотрела на него вроде как даже с жалостью, тут же сообразила, что с таким кашу не сварить, поэтому, пока не поздно, нужно брать всё в свои руки.

– Так! Вы сейчас же туда пойдете и скажете, что вы все продадите... Нет, уже не успеете, – спохватилась она. – Скажете, что всё им отпишете, у вас есть нотариус? Нет? Ничего-ничего, – усиленно соображала Юлия Альбертовна. – Полетите, как миленький, у меня там уже и свой человечек есть...

Геннадий стоял столбом: «Надо же, как у людей всё ловко получается!» Не зря ему всю жизнь говорили, что он жить не умеет, мать тюкала, потом жена... Слава богу, бывшая.

– Нет, – опять замаялся Геннадий. – Это было бы не совсем...

– Что?

– Не совсем... честно... – опустив глаза, проговорил он.

– Не глумите! – не скрывая своего раздражения, выпалила Юлия. – Времени мало! Кто как может, так и устраивается...

<sup>3</sup> Слова из песни «Птица счастья» Музыка: А. Пахмутова, Слова: Н. Добронравов

- Извините... – Геннадий нахмурился.
- Что еще?! – нетерпеливо проговорила Юлия.
- Извините, но... у меня ничего нет...
- Как нет?! – возмутилась Юля.

– Вот так, живу в квартире, но она не моя, дачи нет, машины тоже. – Геннадий виновато опустил голову. Врать он не любил, но тут пришлось, нужно же было хоть как-то притормозить Юлию.

– Как же так... – растерянно проговорила женщина, но растерянность эта была внешней, так сказать, фиктивной, на самом деле Юлия Альбертовна ушла в себя и снова усиленно соображала – в голове хуторянки что-то варилось.

– А вы знаете, я передумала, – неожиданно выпалила она. – Я остаюсь!

– Что вы, что вы! – чуть не замахал руками Геннадий. – Летите, раз уж вас выбрали!

– Нет, не полечу, – отрезала Юля тоном, не допускающим возражений. «Неизвестно, что еще там у них с мужчинами, может, наврали с три короба, – пронеслось молнией в голове Юли. – А тут уже гарантированный Геннадий, пусть даже и Шнурков!»

– Ну, как знаете... – покраснел Геннадий.

– Остаемся! – уверенно продолжила Юлия. – В конце концов, мы родились здесь, здесь наш дом, мы должны здесь показать себя, а потом уже лететь к альдебаранам, иначе что они о нас подумают?!

Геннадий был согласен. Народ все так же рвался, надеялся свалить в далекое созвездие, начать там дело, ни единой попытки запустить которое так и не было предпринято здесь, но Юле и Геннадию было уже не до того...

## Глава третья

### Любовь всем возрастам покорна. Рождение теории.

Юлия перебралась к Геннадию в тот же вечер, объяснив свое поведение очень просто: столько драгоценных мгновений потеряно и теперь ни секунды терять нельзя!!!

Геннадий не возражал, да и мог ли? К тому же, чего греха таить, Юлия ему все больше нравилась. Был в ней какой-то задор, ребячливость, то, чего ему в жизни никогда не хватало. Забегая вперед, скажу, что и позже он в ней не разочаровался. У Юлии оказалось множество увлечений, и то, чего он боялся более всего – а именно того, что Юлия всю себя посвятит ему (и будет ему, соответственно, надоедать), – не произошло. Юля неплохо разбиралась в живописи, музицировала, собирала этикетки от джина и в общем была личностью разносторонней и обещала скрасить остаток его дней. К тому же Юля взяла на себя всю бытовую прозаическую часть вопроса (имеется в виду быт в самом простейшем его воплощении: стирка, глажка, уборка), тем самым высвободив ему бескрайний океан времени для его теорий. Не об этом ли можно было мечтать! А творить хотелось! И жить, как ни странно, тоже хотелось!

Юлия оказалась ларчиком с сюрпризами, обнаружилось это чуть ли не в первую неделю совместного проживания.

\*\*\*

– Лямсик... – Юля подошла к Геннадию как-то во время обеда и чмокнула в маковку. Геннадий потихоньку привыкал к своему новому, безусловно, ласковому имени. – Мы все про них узнаем, про этих аферистов, – загадочно проговорила женщина.

Геннадий отодвинул от себя тарелку, снял заботливо повязанную ему на шею салфетку, он еще не совсем понимал, к чему клонит Юля.

– Ты только не сердись, – воспользовавшись замешательством Геннадия, начала Юлия. Плохо было уже то, что сама Юлия понимала, что в том, что она собирается сказать, есть что-то, за что следует на нее рассердиться.

Геннадий взял салфетку и промокнул ею уже начинающую мокнуть макушку.

Юлия не стала тянуть kota за рога.

– Помнишь, ты мне в очереди говорил про айфоны? Я еще тогда подумала, а почему бы и нам за ними не проследить? – Юля невинно захлопала глазами, как будто бы речь шла о том, что она собиралась вытащить из холодильника размораживать курицу.

Геннадий замер. Внутри что-то оборвалось. Быть замешанным в шпионаже, да еще межпланетном – это вам не в бирюльки играть. Отношения между ними и альдебарановцами еще очень невнятные, послами они обменялись, и дипломатии еще очень-очень много предстоит сделать. Геннадий, как настоящий мужчина, первым делом, конечно, испугался за Юлю (которая, как он предполагал, даже не поняла, куда она влезла и какими это чревато последствиями), что же до себя, он не сильно тревожился, хотя, конечно, ему, как ученому, не хотелось бы быть вовлеченным в межпланетный скандал. Ученый должен быть вне политики! Геннадий внимательно глянул на Юлию. Даже несмотря на все свои страхи, он не мог отрицать некоторую пытливість ума в своей хуторянке. Юлия Альбертовна опять его удивила.

Мужчина постарался скрыть свои эмоции и обратился весь в слух.

– Все это пустое, – вдруг махнула рукой Юлия, всем своим видом показывая, что и говорить-то не о чем.

– Нет уж, нет уж! – мягко проговорил мужчина, усаживая Юлю к себе на колени. – Ну, давай, милая, – подбодрил он её. Получилось очень хорошо. Юлия растаяла – мужчина, когда хочет, конечно, может найти в женщине сокровенные рычажочки. Рассказ потек, как весенний ручей.

– Помнишь, тот день? – Юлия, конечно, имела в виду знаменательный день их знакомства. – Когда они пригласили меня к себе, я попросилась на их корабль, в гости, – пояснила Юля. Это было очень похоже на нее. – Я уже тогда чувствовала, – вздохнула она, – что никуда не улечу. – Геннадий посмотрел на нее, взгляды встретились, мгновение этого требовало. – Так вот, если я уже предполагала, что никуда не полечу, то я подумала, а не плохо бы узнать – что у них там творится? За тех ли они себя выдают? – Юлия говорила очень ровно, как будто о чем-то обыденном, вообще, она могла быть разной и переходы в ней были часты, не это ли является самым верным признаком настоящей женщины?! – У меня был с собой диктофон...

– Айфон, – мягко исправил Геннадий.

– Нет, нет, диктофон, – тоже мягко проговорила Юлия. – Совершенно случайно.

– Конечно, – кивнул головой Геннадий. – Ну, и?

– Ну, и теперь пишутся все их разговоры, уже записано несколько папочек, программкой, которую я получила в подарок при покупке, там еще, кажется, есть функции приемника или что-то в этом роде. И даже фонарь... – объяснила, как могла, Юля. – Хочешь послушать?

Пока Геннадий подбирал слова, Юля выпорхнула в комнату, принесла маленькое устройство с прицепленными наушниками и тут же нацепила их любимому на голову, не забыв один наушник вывернуть для себя.

До Геннадия долетели первые звуки. Было, что называется, и сладко, и жутко, и до чертиков любопытно, Юля уселась рядом, и Шнурковы принялись слушать. (Для удобства я буду называть Геннадия и Юлию Шнурковыми, что есть штамп в сравнении с любовью?!) Первый, не совсем утешительный вывод был сделан вскоре после прослушивания нескольких файлов: идейки и цельки у нашего народа были из разряда «без слез не взглянешь», сплошь гаденькие: народ, однако, не смущался и, даже если и осознавал неказистость своих проектов, всё равно пускался во все тяжкие, только бы уболтать альдебарановцев взять их с собой на свою планету, – Юля со своей квартирой и дачей была просто скромняжка. Попадались такие затейники! Что только не предлагали в качестве взяток! Но самое неприятное было то, что сплошь и рядом были случаи не только «честных» взяток, когда предлагаешь своё, кровное, нажитое, – на каждом шагу было вопиющее разбазаривание чужого, в первую очередь, конечно, государственного имущества. Чего стоил один Пролазкин, особенно неприятно поразивший Геннадия. Этот Пролазкин убедил товарищей с дружественной планеты, что владеет всеми запасами золота на нашей многострадальной Земле, и обнаглел до того, что пообещал одарить всех альдебарановских женщин. Так сказать, всем сестрам по серьгам! Размах чувствовался. Но какой недобрый размах! Вор на воре! Взятчик на взятчике! В головах разброд и шатание, за душойничего (никакого осознания себя во времени и пространстве). Геннадию стало даже тошно от такой человеческой нечистоплотности, от того, как мелко человек думает! Как низко летает!!! Попадались, конечно, и те, которые собирались наладить бизнес, хотели обменяться опытом, надеялись способствовать прогрессу, но какие это были крохи в безбрежном океане пакости...

Геннадий даже обрадовался, что не улетел вместе со всем этим сбродом.

Где-то на пятом файле Геннадий плюнул, до того неприятно было все это слушать.

Юлия на досуге продолжала слушать сама, пока однажды не ворвалась к нему в кабинет, прихватив с собой приемник. Натянула на милого наушники, как всегда, вывернула один для себя! Предстояло самое интересное – челнок вырвется за слои атмосферы, прощай,

Мать-Земля! Чао, бамбино! Улетаем бороздить просторы вселенной! Да здравствует неведомое созвездие!

Юля и Геннадий прилипли к приемнику, затаив дыхание и моля только о том, чтобы в самый ответственный момент приемник не подвел. Что там говорить, во всем этом трепете была и доля зависти. Полетели... счастливы! Что-то их ждет впереди! Слышались разговоры. Юлия и Геннадий услышали, как корабль вылетел на орбиту и тихим ходом, на третьей космической, чтобы нашим с непривычки не поплохело, лег на курс... Из приемника доносились охи, ахи, вздохи, всхлипы, кто-то даже затыкнул «Как сын грустит о матери...», и вдруг все оборвалось...

Юлия, еще не сообразившая, что произошло, схватила приемник и затрясла его над ухом. Приемник не отвечал, Юля трясла сильнее, до тех пор, пока побледневший Геннадий не взял его из рук возлюбленной и не поставил на место.

– Что? – Юлия, все еще не понимая, смотрела на Геннадия.

Геннадий встал и заходил из угла в угол.

– Что-о? – не сводила с него глаз Юлия.

Геннадий остановился.

– Корабля больше нет, – ответил он.

– Как нет? – охнула Юлия.

Весь вечер Геннадий и Юля почему-то молчали. Так, по инерции, дожили день, попили вечерний чай и легли спать.

Юлия спала плохо, всю ночь с кем-то боролась:

– Заговор, беззаконие, – часто срывалось с её губ, под утро она стала всхлипывать: – Я буду... жаловаться, – несвязно бормотала Юлия. Геннадий часто бросал на нее тревожные взгляды, поправлял съехавшее одеяло, в ту ночь он еще раз убедился в том, что его Юлия Альбертовна не просто прекрасная женщина, но и борец, пусть даже взбалмошный и непоследовательный. В других даже на такое благородство не наскребешь...

В ту же ночь у Геннадия родилась теория о мусорщиках вселенной. Мусорщики, исходя из теории Геннадия, могут когда угодно приземлиться, собрать всю шваль и вывести её за орбиту. К утру теория была готова. Геннадий сначала не хотел говорить о ней Юле, но та, проснувшись, тут же почувствовала, что за ночь у Геннадия что-то созрело, забралась в кресло и приготовилась слушать. Дослушав, хуторянка вдруг объявила, что непростительно считать, что ты пришел в этот мир, чтобы завязывать чьи-то хвосты бантиком, и что если бы люди побольше соображали и не мечтали так гаденько, то не наплодилось бы столько подлецов и взяточников! Геннадий не стал спорить, хотя, наверно, тут были нюансы. В теории Геннадия оставалось еще одно слабое место: он никак не мог решить, действительно ли прилетали альдебарановцы или всё это было состряпано собственными органами... в борьбе за чистоту масс. Геннадий, как человек любящий, не стал посвящать в это Юлю, и так в этой жизни много и страшного, и неизвестного.

Шнурковы вскоре перебрались на дачу и, несмотря ни на что, прекрасно зажили, хотя и не раз признавались, что многое было упущено. Вскоре их маленький дачный участок превратился в цветущий оазис. Юля развела замечательные сорта деревьев, разбила клумбу, не без участия Геннадия устроила фонтан, на край которого они вместе посадили гипсовую русалку. В тени деревьев Шнурковы поставили две скамеечки и стали приглашать к себе усталых странников. От странников отбоя не было – рядом была остановка автобуса. Вечерами Геннадий корпел над бумагами, а Юля, с умилением глядя на своего Шнуркова, верила, что однажды Геннадий родит свою самую главную теорию. Одну ведь уже родил, пусть даже она и осталась лежать в ящике.

## В поисках неизвестного, или 300 лет совместной жизни

*Ах, обмануть меня не трудно!..*

*Я сам обманываться рад!*

*А. С. Пушкин*

Лера лежала в палате совсем одна, только что кто-то вышел, когда закрыты глаза, только и остается лежать и слушать. Раньше она никогда не замечала, что вокруг столько звуков: стул, кровать, приборы, к которым она была подключена, голубь, плюхающийся на подоконник, – все имело свое продолжение в звуке. «Цап-цап-цап...» – Голубь уверенно, чуть не султаном расхаживал по подоконнику, ворковал, срывался в пропасть, но, ударив клювом о стекло, вскарабкивался обратно. Это хорошо, что Нина оставила ему крошки. Вместе с привычным «цап-цап-цап» слышалось что-то похожее на «ци-ци-ци» – теперь по подоконнику ходили двое, а двое – это толпа, двое – это сила, двое – это... Рядом с голубем топталась голубка. От размеренной неспешности не осталось и следа, голубка задиралась, выхватывала крошки из-под самого клюва голубя, спихивала его вниз, но он, опрокинувшись, каждый раз возвращался.

Дверь раскрылась, сейчас в палату войдет сестра и спросит: «Проснулась, Лерочка?»

Нина взглянула на приборы, подошла и тихонечко спросила:

– Проснулась, Лерочка? – Ресницы шелохнулись. – Вот и хорошо, а то уж скоро твои придут.

Вокруг Нины, словно ларец, набитый звуками, всегда что-то шуршало, скрипело, бухало, Лере все больше нравились «шумные» люди, своею понятностью, сейчас сестра подойдет к окну и...

– Ах ты подлец! – Палец застучал по стеклу, зашуршал пакет. – Прилетел, душа в перьях, да не один! Да что ж это, каждый день пир для тебя устраивать?!

– Дай им, – шевельнула губами Лера и открыла глаза.

– Дам, куда ж денуть! Опустить? – Нина дернула за шнурок жалюзи.

Губы Леры растянулись:

– Расскажи... приходил? – тихо попросила та.

– Да что рассказывать-то, – отмахнулась было сестра, но принялась рассказывать, Лера в последнее время стала для нее чем-то вроде поверенной. – Был вчера, такой из себя, эталкий... толстый, как бочка, – то ли икнула, то ли хихикнула сестра. – А я что, привыкшая, Илья Семенович-то мой, покойник, тоже мужчина был в теле. Царство ему небесное! – Нина задрала глаза вверх к гладкому потолку больничной палаты и наскоро перекрестилась. – Смотрит сейчас на меня...

– Он там радуется... за тебя, – пошевелила губами Лера.

– Да куда там, радуется! Он перед смертью-то знаешь что сказал? «Ты, Нина, здесь шибко-то хвостом не крути! Без глазу не останешься...» Шутник был, царство небесное! Это чтоб я-то хвостом крутила, – хмыкнула Нина. – Ты меня-то видала?

Лера утвердительно качнула головой. Нина была не из красавиц, лицо рябое, будто поклеванное, ножки тонкие, грудь такая, что хоть поднос ставь. Никаких тебе изгибов, мраморных кож, персиковых отливов. Всё как есть, чем богаты, тем и рады...

– Понравился? – прошелестела губами Лера.

Нина задумалась:

– За руку возьмет, жмет, а у меня сердце вроде как жамкает, он опять жмет, а у меня опять жамкает, – провела ревизию своих чувств медсестра.

– А сыну... говорила? – прошептала Лера.

– Что ты! – махнула рукой женщина. – И говорить-то не о чем, всего-то два... свидания было... – Нина пошла пятнами, и Лера догадалась, что ухажер ей был по сердцу.

– Ох, да чего ж мы чешемся?! Твои сейчас придут! – Сестра заторопилась, нажала на кнопку, спинка кровати стала подниматься.

– Удобно? – спросила она.

Лера кивнула и потянулась рукой к тумбочке.

– Дай-ка я... – Покопавшись в Лериных вещах, сестра нашла пудру, от души потерла спонжик и прошлась по носу и щекам Ляли:

– Вот так-то оно лучше! Мужик-то должен лучшее видеть! – Сестра прибрала волосы женщины и протянула Лере круглое, в ажурной рамочке зеркальце.

Лера, глянув в зеркальце, тяжело вздохнула.

– Ты бога-то не гневи! – тут же отреагировала сестра. – От других-то и головешки не осталось, а она вон какая гладенькая, как яичко, и вздыхает... Глядишь, и в другом выправишься... – чуть подумав, добавила Нина.

Лера глянула на нее вопросительно.

– Выправишься, выправишься, – уверенно повторила та. – Столько на своем веку перевидала, знаю, что говорю! Так что глядись! Глядись! И радуйся! – чуть не приказала сестра.

Лера посмотрела в зеркало. Бледное, изможденное лицо, бескровные губы, желтый синяк еще не прошел, а порезы уже затянулись. Нина права: заживает, как на собаке, и гладенькая, как яичко. Опустив зеркальце, женщина как будто еще что-то хотела попросить у сестры, но всё не решалась.

– Нина, посиди со мной, когда... они придут, – наконец проговорила она.

– Ишь что выдумала! – отмахнулась сестра. – К ней муж с сыном придут, а ей тетку чужую подавай. Найдете о чем говорить! – отрезала Нина и вышла из палаты.

\*\*\*

– Ах, какие красавчики! – цокнула языком сестра, поправив появившиеся на Лериной тумбочке цветы. – Вроде как колокольчики, только мясистей... и размеров слонячих...

– Нет, не похожи, – глянув на орхидеи, проговорила Лера. – Нина, я, кажется... люблю орхидеи...

По щеке больной покатилась капля. Нина, шумно вздохнув, потопталась возле кровати, опустила тяжелую пятерню Лере на голову.

– Ну, будет, – погладила она её. – Что реветь-то... Потихоньку... Полегоньку...

– Один шанс из ста, – пролепетала Лера.

– Так один, зато твой! Тебе зачем много?!

– Нина... ничего... ничего не помню, – прошептала Лера.

– А ты не реви, тебе что было велено? Ждать! – твердо проговорила Нина. – Ирина Горилловна хоть и гримза, но врач от Бога, тебе ж было сказано – воспоминания, может, враз одной волной как нахлынут, а может, и по кусочкам возвращаться станут. А ты кусочки-то эти собирай, собирай, глядишь, и получится картинка. – Нина говорила спокойно, уверенно, и казалось, что именно так всё и будет.

– Про пазлы-то знаешь? – продолжила втолковывать сестра. – Я Федьке своему недавно купила картинку на двести пятьдесят писов<sup>4</sup>. – Нина недовольно скривилась. – Во какие слова-то подсовывают, как будто своих нет... Сначала думала, мамочки родные, да как же из этой кутерьмы собрать что можно? А Федька ничего, на пол усядется, всю эту кучу перед собой вывалит, тыр-пыр, тыр-пыр, где верх, где низ – ничего не разобрать, сидит, пыхтит,

---

<sup>4</sup> Писе (англ.) – кусок, кусочек, штука – составная часть сборной картинки-пазла.

иной раз и псих его накроет, не без этого, – ухмыльнулась Нина, – бросит все эти писы к едрене фене, а сам ходит, ходит кругами, как лисица, облизывается и опять садится, а там, глядишь, один кусочек, другой – и картинка-то собирается...

– Со... бирается? – запнулась Лера.

– А куда ж денется?! – подтвердила сестра.

Лера провела рукой по кровати, Нина права, нужно потихоньку начинать собирать картинку.

– Расскажи про Федьку, как маленький был, – попросила она.

– Как все был. Ребенок как ребенок. Только уж слишком в складочку, как собачка, – хмыкнула Нина. – Порода вот только забыла, у неё кожу три раза вокруг неё обмотать можно... А однажды кувырк – и об пол! – вдруг вспомнила Нина. – Всё было!

– Дети без этого не растут, – кивнула Лера и вдруг схватила сестру за руку. – Ниночка, а вдруг Ирина... только так... успокаивает?

– Да что ты говоришь-то?! – чуть не отдернула руку сестра. – Прошли те времена, когда голову-то морочили. Нужна ты кому, комедь перед тобой ломать! – Нина всем своим видом дала понять, что ей даже противно от Лериной глупости.

Пациентка внимательно посмотрела на сестру:

– А как... сейчас? – спросила она.

– А так, вызывают и говорят: «Вам, Иван Иванович, осталось столько-то и столько-то. – Нина задумалась. – По поводу путевки в санаторий на следующий сезон можете не хлопотать. Пусть другие съездят, „Боржом“ попьют».

Лера усмехнулась:

– Честно.

– Да, честно, – подтвердила сестра.

– Так оно лучше...

– Да кто ж его знает, как лучше... – Нина прошуршала по палате, проверила капельницу и, пробурчав себе что-то под нос, вышла.

\*\*\*

К Лере теперь ходили часто, после того, как она нашлась, муж и сын старались не пропускать приёмные часы и появлялись при первой возможности. С ними Лера держалась молодцом, но после погружалась в апатию, но однажды Нина застала её в беспокойном, приподнятом настроении.

– Вспомнила? – тут же всколыхнулась сестра.

– Нет, – спокойно ответила Лера. Но в этом её «нет» не было недавних охов-вздохов, простая констатация факта.

– Нина, мне нужна твоя помощь, – без колебаний начала Лера. – Я хотела попросить, чтобы ты к моим сходила...

Нина не сразу поняла.

– Два мужика... сидят... голодные... – объяснила Лера.

– Схожу! – тут же откликнулась сестра. – Хвалиться не буду, но борщ у меня такой... за уши не оттащишь...

– Нина, ты каждый день ходи, – не дала ей договорить Лера.

– Как каждый день? – уставилась на неё сестра.

– Как на работу, мы тебе и платить будем, – проговорила Лера так, как будто бы Нина на все уже дала свой согласие. – Я и с мужем договорилась. Посмотришь там, что да как...

Нина внимательно посмотрела на пациентку:

– Ох, и хитрющая, – проговорила вдруг сестра и аж зарделась от собственной догадливости. – Это ж ты не просто так меня туда засылаешь. К мужикам своим приставляешь, сторожить! – сверкнула глазами Нина.

Лера не стала её разубеждать.

– Это ты правильно делаешь, – неожиданно похвалила ее сестра. – Мужик сейчас такой, кто перед ним лучше спляшет, туда он свой клюв и развернет... инфантильный... – Нина, благодаря знаниям, почерпнутым в журналах, оставленных пациентами, с некоторых пор стала подкованной во многих областях, особенно по части плетения тонкого кружева взаимоотношений инь и ян, и не упускала случая козырнуть ими.

– Вот и договорились... – обрадовалась Лера.

\*\*\*

Нина приступила к своей второй работе на следующий же день. Лера со своим предложением оказалась очень кстати: Федьку поднимать надо, Илья Семенович со своим уходом явно поторопился, а с Алексея, нового хахала, пока взятки гладки, сплошная неопределенность, у неё-то в груди жамкает, а у него? Чужая душа – потемки... Работа, по Нининым меркам, была почти что курорт. Борис, муж Леры, оказался незатейливым интеллигентиком, как его про себя окрестила Нина: чистенький, аккуратненький, неприхотливый, как диффенбахия, на каждом шагу спасибо-пожалуйста и ест всё, что ни дай, хоть салат из одуванчиков. Сын Степка в общем такой же. Лере с ними очень повезло. Подозрения же Леры по тому самому вопросу Нине вообще показались беспочвенными, весь дом как будто только и дышал её возвращением из больницы.

Заступая на смену, Нина теперь первым делом рассказывала Лере, как у них прошел предыдущий вечер. Лера с нетерпением ждала свою утреннюю порцию.

– Вчера пришел поздно, – как-то утром сообщила Нина. – На работе какие-то нелады. Вроде как проект должен сдать, срок вышел...

– Проект?! – Лера старалась подобрать каждую крошку из того, что приносила Нина.

– Проект, – кивнула Нина. – Он у тебя инженер, оказывается, да что ж это я? – спохватилась сестра. – Я же вчера пылесосила, под кроватью нашла. – Из кармана вынырнула визитная карточка.

Лера с жадностью её схватила.

– Конструктор... Вертолетостроение... – чуть не подбоченясь, будто Борис был ее собственный муж, проговорила Нина. – Мужик стоящий. Ему постоянно кто-то трезвонит, советуется, а он консультирует... – Нина задумалась, подняла руку, растопырила пальцы и покрутила кистью в воздухе, скорее всего, изображая вертолёт. – Никаких следов баб нет, – не забыла отчитаться и по этому вопросу Нина. – По мне так и не было... А если и были, то теперь уж точно ни одна мышь не прошмыгнет, – не удержалась, чтоб не похвастать Нина. – Степану рубашки вчера перегладила, а Борис свои не дает, сам, говорит, и все тебе тут! Ты б поговорила с ним, Лер? – приглушив звук, конфиденциально попросила женщина. – Нехорошо как-то, я вроде как на хозяйстве, а у меня мужики утюгами орудуют. Ему что, вертолетов мало?

Лера кивнула, прокручивая в голове только что услышанное. Память, как будто бы провинившись перед ней, впитывала всё до малейших подробностей. Нужен был каждый кусочек. Ирина Гавриловна говорила, что любая зацепка может послужить толчком к воспоминаниям.

Чем ближе дело шло к выписке, тем ненасытнее становилась Лера, дошло до того, что она попросила Нину пролезть дома во все шкафы и антресоли. Нина хоть и со скрипом, но работу выполнила, уже давно догадываясь о том, что дело не в одних только хищных бабах, следы которых ищет Лера... Дня за три до выписки Лера всунула ей в руку список,

в котором оказалось штук двадцать вопросов, на которые «хоть ты тресни!», но ей нужно было знать ответ.

Вопросы были самые разнообразные. Где и когда они проводили отпуск? Какие фильмы предпочитает Борис? Любит ли Степка чипсы? Какими болезнями он переболел в детстве и откуда в гардеробе Бориса появилась розовая рубашка. Нина и с этим заданием справилась. Про Степку она все узнала на правах медработника, разглядев какой-то прыщик на Степином носу, – перепуганный Борис тут же всё и выложил. А история розовой рубашки оказалась и вовсе банальна: подарок сослуживиц на 23 февраля. Интересно девки пляшут!

Пребывая в каком-то расшатано-возбужденном состоянии перед самой выпиской, Лера поделилась со своей помощницей и вовсе сокровенным:

– Нина, а я ведь должна быть еще и... полноценной женщиной, – несколько стушевавшись, выговорила Лера.

– Будешь, – совсем не удивилась вопросу сестра, отношения между женщинами были все более доверительные, да и как по-другому, Нина теперь чего только не знала о Лере и её семействе, а уж о себе сестра с самого начала рассказывала щедро. – Голова-то для этого дела не нужна, – успокоила её Нина. – Хороший мужик сам знает, что с тобой делать, а ты по первости не ягоди... Потихонечку...

– Вот и я так думала, – кивнула Лера.

Перед самой выпиской Лера заглянула к Ирине Гавриловне поблагодарить, еще раз выслушать рекомендации и напутствия своего лечащего врача, попросить о маленьком одолжении.

\*\*\*

Вторник был днем выписки. Борис взял пару отгулов, хотелось хотя бы на первых порах помочь жене обжиться. Лера находилась в прекрасном расположении духа, Степка помогал собирать вещи, Ирина Гавриловна заглянула в палату и, оглядев пакующееся семейство, удалилась. Борис, воспользовавшись моментом, вышел за ней, догнал, уже когда врач заходила в свой кабинет.

– Можно?

– Прошу вас... – пригласила Ирина Гавриловна. – Да вы присаживайтесь, – перешла сразу к главному доктор. – Ну, что ж, в последнее время наметилась положительная динамика... вас можно поздравить... выписываетесь...

Борис сидел ни жив ни мертв. Сколько им за последнее время пришлось всего пережить, исчезновение, потом эта кошмарная авария, а потом снова, как обухом по голове... Хотя Ирина Гавриловна никогда не отнимала надежду... Борис от радости с трудом соображал: «Неужели Лера снова станет их Лерой и весь этот ужас останется позади?»

Мужчина поднялся со стула, похлопал по карману, спохватился, опять сел.

– Доктор, это уже... окончательно?

– В мире нет ничего окончательного, сплошное движение. – Доктор посмотрела сквозь Бориса. – Но вот то, что она может вспомнить даже то, что вы забыли, вполне вероятно... – то ли в шутку, то ли всерьез добавила доктор.

– Спасибо! – Борис вскочил со стула, схватив доктора за руку, сильно затряс.

Уголки тонких губ Ирины Гавриловны дернулись, сколько она таких перевидала, сегодня в ножки кланяются, а завтра забудут, как зовут.

\*\*\*

Дома было замечательно! Леру действительно долго ждали. Жизнь потихоньку устанилась. Утром она готовила завтрак, провожала своих мальчиков в школу и на работу,

между делом поглядывала на Бориса и украдкой целовала в макушку сына, Степка морщился, но терпел, раньше, может, и шикнул бы на мать, но теперь не осмеливался. В общем, к Лере относились, как к китайской вазе: баснословно дорогой, но очень хрупкой. Когда все расходились и Лера оставалась дома одна, маленькая хозяйка своего нового дома снова и снова переворачивала ящики, прочесывала шкафы и антресоли в поисках неизвестного.

В конце октября в семействе намечалось радостное событие: Триста лет совместной жизни! Раньше всегда куда-нибудь уезжали – Венеция, Рим, Стамбул... а теперь хотелось побыть дома, втроем, со Степкой.

Лера накрыла стол, достала тканую скатерть, два подсвечника. Гулять так гулять. На столе появился гусарский напиток, Степка прицеливался, надеясь пустить залп. Блюдо выплыло из кухни. Борис повел носом, смесь трав, сушений, корений.

– Индейка под сливочным соусом! – Лера торжественно поставила блюдо на середину стола. – Как ты любишь! – проговорила она, глянув на мужа.

Борис замер, во взгляде промелькнуло что-то похожее на испуг. Лера как будто вся сжалась, еще мгновение – и она вся пошла бы трещинами, но лицо мужа уже переменялось.

– Какая же ты... хорошая... – Борис не договорил, Лера зависла в воздухе, обвив руками шею мужа, один тапок соскользнул и упал на пол. Спугнув голубков, рядом все-таки бахнул Степка. Все наконец расселись.

Кромсая индейку, Борис стал припоминать, как жена приставила к ним домомучительницу и та на каждом шагу все высматривала да вынюхивала, куда только свой нос не сунула, кажется, спрашивала и про любимое блюдо, а он ляпнул первое, что пришло в голову... Вот так троица... Он-то думал, Лере её просто жаль, а тут вон какие тайны... И Ирина Гавриловна ведь толком ничего не сказала, кинула что-то на затравочку, а он и рад подбирать крохи...

Шампанское зашумело в бокалах. Первый тост был за триста лет совместной жизни! Впереди у них было столько же...

## Закатившийся апельсин

– Алло, алло! – Жанна почти кричала в трубку. – Срочно вызовите наряд и скорую!  
– Что случилось?

Женщина замолчала, внимательно прислушиваясь к тому, что ей говорили, последовали несколько типичных вопросов, как и требовалось по инструкции. Жанна честно попыталась успокоиться и довольно спокойно, во всяком случае для человека, который стал свидетелем аварии, начала отвечать на вопросы.

– На пересечении Биноклевой и Проспекта кинематографов, – сообщила женщина. – Со мной всё в порядке, а вот им, им! – Голос взвился. – Им требуется помощь!

Оператор Артем Лягушакин, привыкший к подобного рода скачкам напряжения, внес адрес, на экране сразу же высветилось сообщение: «Уровень реагирования низкий: держать на контроле, после исполнения закрыть заявку». Осталось только успокоить дамочку, поинтересоваться, нужна ли ей самой помощь, и, если нужна, попросить оставаться на месте до прибытия кареты скорой помощи, среди команды медиков обязательно будет и психолог. Оператор посмотрел на другой монитор, от с завыванием летящей скорой до места аварии оставалось 5 км 476 м, судя по дорожной обстановке, она будет на месте через полторы-две минуты.

Артем вытянулся за пультом, звонившая была уже четвертой сообщавшей о данном происшествии, однако самое первое сообщение поступило вовсе не от бдительных граждан. Происшествие было зафиксировано камерой наружного наблюдения, привинченной к одному из столбов, как раз напротив места аварии, с неё-то и поступил сигнал. Камера уловила характерный звук, треск, провела визуальную сверку, сравнение контуров, и система с достоверностью девяносто пять процентов определила, что произошла авария. Дальше шла веерная рассылка городским службам, включая дорожную инспекцию, скорую, страховую. После того как они выполняли свою часть работы, за дело брались brave ребята из службы благоустройства – последним штрихом шла мойка дорожного покрытия шампунем. По инструкции не более чем через пятнадцать минут после аварии место инцидента должно было быть приведено в надлежащий вид и сдано в эксплуатацию.

Лягушакин хотел было уже переключиться на следующий звонок, но тут вдруг вспомнил, что забыл поставить одну важную галочку. Распознаватель голоса вывел на экран личную карточку звонившей. Ею оказалась Пружинкина Жанна Ивановна. Карточка содержала стандартную информацию, всё, что в ней было сейчас, Лягушакина не интересовало, за исключением последнего пункта. Последней строкой стояла «Бдительность» (раньше этот пункт назывался «Лояльность», однако от прежнего названия буквально веяло «вялостью» – и его поменяли на более энергичное, бодрое). За этот год Жанна Ивановна успела набрать двести тридцать баллов! Артем аж присвистнул, еще десять баллов – и Жанна Ивановна подползет к заветной кепке, а еще через тридцать баллов станет обладателем новой надувной кружки! Молодой человек поставил Пружинкиной еще одну честно заработанную галочку. Данные по этому пункту вносились с особенной аккуратностью, суммировались, архивировались и хранились (с обязательным дублированием) в современном дата-центре, в одном из бывших бомбоубежищ. Если бы на каком-нибудь этапе хотя бы крючок из драгоценных сведений был стёрт или утерян, пара-тройка государственных мужей, как пробки, вылетели бы из своих насиженных кресел.

Экранная Жанна Ивановна бочком выехала в прямоугольник монитора, улыбнулась и заблмыкала глазами (конечно, это была только запись, сама Жанна Ивановна во плоти, крови и в новом платье находилась пока на месте аварии). Оператор, вытянув лицо огурцом, придал ему официальное выражение и выпалил: «Благодарим за помощь и внимание к окру-

жающим! Будьте аккуратны на дорогах!» Артем залихватски, как учили на тренинге, улыбнулся: такие товарищи, как Жанна Ивановна, до последнего будут торчать на месте происшествия, потом побегут домой, войдут в сеть, проверят, не забыли ли им накинуть балл, и не успокоятся, пока раз пять не прослушают благодарственное сообщение.

– В Багдаде всё спокойно, – хмыкнул себе под нос молодой человек, проверив несколько наружных, развешенных в разных концах города камер, и опять вернулся к звонкам.

\*\*\*

Следующий звонок носил скорее бытовой характер. Раньше такие звонки поступали в основном от старающихся выслужиться бабулек, теперь этот показатель стремительно молодедел.

– На проводах!.. – задрезжал в трубке голос. – Эта дрянь... Little Sugar White! – кто-то закашлялся. – Алл#! Вы меня слышите?! Ку-ку!

– Слушаем вас, Мария Гавриловна, – среагировал оператор. – Вы хотите что-то сообщить?

Мария Гавриловна, услышав, что к ней обращаются по имени-отчеству, расцвела. Что поделать, всё течет, всё изменяется, а старики, как и раньше, страдают от недостатка общения. Отсюда и частые названивания в службу немедленного реагирования. Конечно, на инструктаже их предупреждали и об этом: для стариков телефон в их службу был будто мёдом намазан, не говоря уже о том, что после того, как пенсии были сведены к мизеру, а для некоторых категорий граждан и вовсе упразднены, многим пенсионеркам пришлось искать подработки, самые дальновидные заключили контракт с госорганами, предоставляли, куда надо, сведения, органы в ответ начисляли баллы, конвертируемые в гречку, тушенку или твердую валюту – юани и рубли.

– Это я, – захихикала старушенция, но, вовремя вспомнив, зачем, собственно, звонит, продолжала: – Так вот, Малышка Sugar White<sup>5</sup> опять нагадила в подъезде. (При упоминании Little Sugar White открылся смежный файл, на экране появилась мохнатая морда белой болонки. Болонка, судя по сопровождающей фото справке, была из элитных, бабушка по отцовской линии не раз выезжала во Францию и участвовала в рекламе шампуня, в хозяевах болонки значился некий господин Прутенков.) Артему потребовалась пара секунд, чтобы ознакомиться с информацией.

– Это просто непостижимо, – высморкалась старуха. – Я только вчера купила новые туфли, на низеньком каблучке, помогают при варикозе, стоят уйму денег... Слава богу, могу себе такие позволить... выхожу... и что вы думаете...

Оператор не перебивал собеседницу, по опыту зная: если человек намерен высказаться, то ничего его не остановит. Чаша изливалась долго. Едва управившись с разнузданными нервами, старушка, кряхтя, собрала себя в кучу и наконец кое-как изложила суть проблемы... – Это возмутительно! Неэстетично! – задрезжала она. – Сахарная Крошка уже в третий раз за эту неделю безобразничает в подъезде, и это в доме, где живут одни академики!

– Академики? – машинально повторил Артем.

– Академики, а что? Я живу на Арбате, – нахохлилась старушка. – Хотя... был один космонавт. Двадцать лет проболтался на орбите... – захихикала старушка. – А как вернулся, глянул на наши нововведения, сказал, что у нас камер больше, чем народу на сенокосе, и все мы с ума посходили, грозился вернуться тудась. – Артем догадался, что подразумевается космос. – И со всех спутников это самое оборудование посыпать... Диверсант, – понизив голос, сообщила бабулька конфиденциально, но тут же голос ее взвинтился: – Куды там!

---

<sup>5</sup> Little Sugar White (англ.) – примерный перевод – «Сахарная Крошка».

Помер... Но я-то знаю, отчего с ним случилась эта неприятность. – В трубке слышалось напряженное сопение, Артем же приготовился выслушать версию об умышленном убийстве, заговоре, зловредных кознях, но старушка его обскакала. – От него жена ушла, пока он барахтался на орбите, – зашептала в трубку Мария Гавриловна. – Лично мне сообщила, что у него еще после первого полета... тавось... Ну, вы понимаете... без гравитации-то и тренировки что хочешь ослабеет... Жалко человека, да? – Мария Гавриловна спохватилась, сообразив, что разговор убежал совершенно в другую сторону. – А я получу... компенсацию? За туфли? – перепрыгнула на интересующую её тему она. Повисло застенчивое молчание, Артем почувствовал это даже на расстоянии. – Они, конечно, не совсем испорчены, но как я буду в них ходить-то после этого? – подлизывалась старушка.

– Одну секундочку! – Пальцы Артема запрыгали по клавишам, пауза была не случайна. Обработывая звонок, нужно было обязательно выйти на камеры, чтобы проверить достоверность поступающей информации (как ни странно, среди мухлюющих больше всего было именно бабусек, уж очень заманчивым был паёк.). Артем сверил адрес, по которому жила Мария Гавриловна, получил доступ к камерам в её подъезде, осмотрел место происшествия. Камера была установлена как раз на выходе из лифта. В нескольких шагах стояла собственной персоной Мария Гавриловна с телефоном в руке. От лифта до нее вело несколько мокрых следов, в том, что Мария Гавриловна вляпалась, сомневаться не приходилось, похоже, Сахарная Крошка действительно набезобразничала и господину Прутенкову придётся раскошелиться, если, конечно, после проведения экспертизы вина Крошки будет доказана.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.